

ДЕТЕКТИВ **ГАРРИ БОСХ** И АДВОКАТ **МИККИ ХОЛЛЕР** —
В НОВОМ ТРИЛЛЕРЕ **МАЙКЛА КОННЕЛЛИ**!

МАЙКЛ **КОННЕЛЛИ**

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **74 000 000** КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!**

Гарри Босх

Майкл Коннелли
Переступить черту

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коннелли М.

Переступить черту / М. Коннелли — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (Гарри Босх)

ISBN 978-5-389-18634-7

«Босх был безмерно рад, что после отставки он свободен от участия в этой гонке, от служебных обязанностей, непрерывного напряжения... Вместе с тем он понимал, что зря радуется». Потому что его сводный брат адвокат защиты Микки Холлер (да-да, тот самый из «„Линкольна“ для адвоката») взывает о помощи: на его клиента, бывшего члена банды, который стал на путь исправления, падает подозрение в жестоком убийстве. Микки уверен, что его клиента подставили, но это еще нужно доказать. Гарри колеблется, поскольку переход на сторону защиты в глазах его коллег по убойному отделу может перечеркнуть все хорошее, что он сделал за тридцать лет полицейской работы. Тем не менее профессиональный интерес перевешивает. Однако в ходе расследования Босх начинает понимать, что сам оказался объектом слежки и, возможно, по его пятам идет убийца.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18634-7

© Коннелли М., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Первое апреля – День дураков	6
1	7
2	11
3	15
4	19
5	25
6	26
7	36
8	39
9	42
10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Майкл Коннелли

Переступить черту

Памяти Саймона Кристенсона

Michael Connelly

THE CROSSING

Copyright © 2015 by Hieronymus, Inc.

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York,
USA

© Л. Н. Высоцкий, перевод, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Первое апреля – День дураков

Мотоцикл мчался по бульвару Вентура на четыре корпуса впереди Эллиса и Лонга. Они ехали в восточном направлении, приближаясь к повороту, где дорога уходила на юг, в сторону Голливуда.

Эллис предпочитал водить машину сам, хотя был по положению старшим и мог бы приказать напарнику сесть за руль. Лонг с пассажирского места просматривал на экране телефона видеоматериалы – их с Эллисом «капиталовложения», как они выражались.

Автомобиль уверенно и надежно крутил колеса, безотказно выполняя команды водителя. Увидев просвет в транспортном потоке справа, Эллис выжал педаль акселератора. Машина рванулась вперед.

– Ты чего? – спросил Лонг, подняв голову.

– Хочу избавиться от одной проблемы.

– От какой?

– Которая может возникнуть.

Эллис догнал мотоциклиста и, поравнявшись с ним, взглянул на его черные ботинки и бензобак с нарисованными оранжевыми языками пламени – того же цвета, что и их «камаро». Он проскользнул немного дальше и, когда дорога повернула вправо, не сразу крутанул руль. Машина по инерции сместилась на левую полосу, подрезав мотоциклиста.

Тот завопил и, оттолкнувшись ногой от «камаро», нажал на газ, стремясь проскочить мимо. Это было ошибкой. Надо было притормозить, пропуская автомобиль, а не гнать изо всех сил. Эллис тоже прибавил скорость, и «камаро» занял левую полосу, полностью перегородив дорогу.

Мотоцикл выскочил на встречу. Раздался визг тормозов, протяжный автомобильный гудок и пронзительный скрежет металла о металл.

Эллис улыбнулся, продолжая путь.

1

В пятницу утром, когда все уважающие себя граждане уже разъехались на уик-энд, добраться до центра города было плевым делом, и Гарри Босх оказался у здания суда раньше назначенного часа. Он не стал дожидаться Микки Холлера на ступенях у входа, как договорились, а решил поискать этого адвоката внутри громадного сооружения, занимавшего полквартала и вздымавшего к небу свои девятнадцать этажей. Гигантские размеры здания не означали, что найти Холлера будет трудно. Судебные помещения в основном располагались с девятого по пятнадцатый этаж. Пройдя через металлоискатель, недавно установленный в вестибюле, Босх поднялся на лифте на пятнадцатый и, спускаясь по лестнице, стал заглядывать в залы. Все они были хорошо знакомы ему, так как за последние тридцать лет он провел здесь немало времени.

Холлер нашелся в зале под номером сто двадцать на тринадцатом этаже. Там велось рассмотрение некоего ходатайства без участия присяжных. Адвокат обещал Босху, что это заседание должно закончиться до намеченной ими встречи за ланчем. Гарри проскользнул на скамейку в задних рядах галереи для публики и стал слушать показания полицейского, вызванного Холлером в качестве свидетеля. Хотя Босх и пропустил начальный этап допроса, ему предстала возможность насладиться мастерством адвоката.

– Офицер Санчес, прошу подробно рассказать, как вы произвели арест мистера Хеннегана одиннадцатого декабря прошлого года. Начнем, пожалуй, с того, какое у вас было задание.

Санчес секунду помолчал, прежде чем ответить на этот, по всей видимости, формальный вопрос. Босх заметил три нашивки на его рукаве, по одной за каждые пять лет службы. Пятнадцатилетний стаж наводил на мысль, что полицейский будет изъясняться с Холлером очень взвешенно и постарается подбирать слова в интересах обвинения.

– Мы с напарником совершали регулярный патрульный объезд участка в районе Семьдесят седьмой улицы. В тот момент, когда произошел данный инцидент, мы ехали по Флоренс-авеню в западном направлении.

– Мистер Хеннеган тоже ехал по Флоренс-авеню?

– Совершенно верно.

– В каком направлении?

– В том же, что и мы, в западном. Его автомобиль был прямо перед нашим.

– Хорошо. И что случилось потом?

– На перекрестке с Норманди-авеню Хеннеган остановился на красный свет, мы встали за ним. Он включил правый сигнал поворота и свернул на Норманди, двигаясь к северу.

– Он не нарушил никаких правил, проезжая на красный?

– Нет. Сначала водитель остановился, а потом повернул, когда путь был свободен.

Кивнув, Холлер черкнул что-то в блокноте. Он сидел рядом со своим подзащитным, одетым в синюю форму, означавшую, что преступление было уголовным. Босх догадался, что речь идет о торговле наркотиками и Холлер пытается затушевать тот факт, что они были обнаружены в машине его клиента, доказывая противозаконность задержания.

Холлер задавал вопросы, не поднимаясь с места за столом защиты, – в отсутствие присяжных разрешалось допрашивать свидетелей сидя.

– И вы повернули вслед за мистером Хеннеганом, так?

– Да, так, – ответил Санчес.

– В какой момент вы решили остановить автомобиль мистера Хеннегана?

– Сразу после поворота. Мы посигналили ему фарами, и он вырулил к тротуару.

– Что произошло дальше?

– Как только машина затормозила, сидевший рядом с водителем пассажир открыл дверь и пустился наутек.

- Он начал убегать?
 - Да, сэр.
 - А куда именно?
 - Он побежал направо по переулку за расположенной там торговой площадью.
 - Вы или ваш напарник кинулись в погоню за ним?
 - Нет, сэр, это противоречит инструкции. Разделяться рискованно. Мой напарник запросил по рации поддержку и вызвал летательный аппарат, дав описание сбежавшего.
 - Летательный аппарат?
 - Полицейский вертолет.
 - Понятно. А что делали вы, офицер Санчес, в то время как ваш напарник говорил по рации?
 - Выйдя из патрульной машины, я подошел к водительской дверце автомобиля мистера Хеннегана и велел ему высунуть руки в окно, чтобы я мог их видеть.
 - При этом вы достали оружие?
 - Да, достал.
 - И что потом?
 - Я приказал водителю – то есть мистеру Хеннегану – выйти из машины и лечь на землю. Он подчинился, и я надел на него наручники.
 - Вы объяснили ему, за что он арестован?
 - Но в тот момент он еще не был арестован.
 - Вы уложили его носом в землю, надели на него наручники и говорите, что он не был арестован?
 - Мы не знали, чего можно ожидать от него, и надели наручники ради собственной безопасности. К тому же пассажир сбежал, и это вызвало подозрения.
 - Значит, ваши действия объяснялись тем, что пассажир дал деру?
 - Да, сэр.
- Холлер полистал желтый блокнот, читая какие-то записи, и проверил что-то на экране ноутбука, стоявшего перед ним на столе. Его клиент сидел с опущенной головой, и со стороны могло показаться, что он спит.
- Судья, утонувший в кресле так глубоко, что Босху была видна лишь его седая макушка, прокашлялся и подался вперед, явив себя присутствующим. Табличка гласила, что это почтенный Стив Йеррид. Босх никогда прежде не встречал его, и имя этого служителя закона ни о чем ему не говорило. Но стоило ли удивляться, если в здании насчитывалось более пятидесяти залов с разными судьями?
- У вас больше нет вопросов, мистер Холлер? – спросил он.
 - Прошу прощения за задержку, ваша честь, – ответил Холлер. – Мне надо было проверить кое-какие данные.
 - Так давайте продолжим.
 - Да, ваша честь.
- Холлер уже нашел в записях то, что искал, и задал следующий вопрос:
- Офицер Санчес, сколько времени вы продержали мистера Хеннегана лежащим в наручниках на земле?
 - Я только заглянул в его автомобиль, чтобы убедиться, что там больше никто не прячется, похлопал мистера Хеннегана по карманам, проверяя, нет ли у него оружия, помог ему подняться и посадил на заднее сиденье патрульной машины ради его же и нашей безопасности.
 - Разве ему что-то угрожало?
 - Как я уже сказал, мы не знали, чего ожидать. Один из них убегает, другой нервничает. Лучше было исключить возможные сюрпризы, пока мы не выяснили, в чем дело.

– А когда вы обратили внимание на то, что мистер Хеннеган «нервничает», как вы выразились?

– Да сразу – когда я велел ему высунуть руки из окна.

– При этом вы держали его под дулом пистолета?

– Ну да.

– Угу, хорошо. Итак, вы усадили Хеннегана на заднее сиденье патрульного автомобиля.

Вы спросили у него разрешения обыскать машину?

– Спросил, и он не согласился.

– И что вы сделали?

– Я связался по рации с отделом по борьбе с наркотиками и сказал, чтобы прислали собаку.

– А что может собака?

– Она лает, учуяв запах наркотика.

– Сколько же времени понадобилось, чтобы доставить собаку на угол Флоренс-авеню и Норманди?

– Около часа. Пришлось везти ее из спецшколы, где проходила демонстрация выучки служебных собак.

– То есть около часа мой клиент сидел пленником на заднем сиденье вашего автомобиля.

– Да, верно.

– Ради его и вашей безопасности.

– Да.

– Вы подходили время от времени к патрульному автомобилю, открывали дверь и повторно спрашивали у мистера Хеннегана разрешения на обыск его машины?

– Да, два или три раза.

– И что он отвечал?

– Он говорил, что не разрешает.

– А как насчет сбежавшего пассажира? Вы или другие полицейские так его и не нашли?

– Нет, насколько мне известно. На следующий день дело было передано в наркоотдел Южного бюро.

– Итак, собака наконец прибыла. Что дальше?

– Кинолог обвел ее вокруг автомобиля Хеннегана, и возле багажника она залаяла.

– А как звали собаку?

– Хм, кажется, Космо.

– Какой марки была машина Хеннегана?

– «Тойота-камри».

– Значит, Космо прогавкал вам, что в багажнике находится наркотик?

– Да, сэр.

– И вы открыли багажник.

– Да, решили, что реакция собаки – достаточное основание для того, чтобы произвести обыск.

– Вы нашли там наркотики?

– Мы нашли пакет с кристаллической массой, похожей на метамфетамин, и пакет с деньгами.

– Сколько этой массы там было?

– Два и четыре десятых фунта.

– А денег сколько?

– Восемьдесят шесть тысяч долларов.

– В банкнотах?

– Да, вся сумма.

– И тогда вы арестовали мистера Хеннегана за хранение наркотиков с целью продажи?

– Да, мы объявили ему об аресте, перечислили его права и отвезли в Южное бюро, чтобы зарегистрировать.

Холлер кивнул и опять погрузился в свои записи. Босх понимал, что у того припасен какой-то козырь. Какой именно, прояснилось, когда судья вновь призвал адвоката продолжить допрос.

– Офицер Санчес, – сказал Холлер, – давайте вернемся к тому моменту, когда вы остановили автомобиль мистера Хеннегана. Как вы уже говорили, он притормозил на красный сигнал светофора и ждал, когда сможет безопасно поехать направо. Я корректно излагаю?

– Да, все верно.

– И при этом он не нарушил никаких правил, так?

– Да, так.

– Но если никакого нарушения не было, почему вы его остановили?

Санчес бросил взгляд в сторону прокурора, сидевшего за столом напротив Холлера. До сих пор он не вмешивался в ход допроса и лишь делал какие-то записи. По этому взгляду Босх понял, что Холлер нащупал слабое место в показаниях полицейского.

– Ваша честь, могли бы вы распорядиться, чтобы свидетель ответил на вопрос, а не смотрел на обвинителя в ожидании подсказки? – обратился к судье Холлер.

Судья Йеррид опять вынырнул из своего убежища и велел Санчесу отвечать. Полицейский захотел, чтобы Холлер повторил вопрос, и адвокат задал его снова.

– Это был канун Рождества, – сказал Санчес, – а мы в это время всегда раздаем талоны на индейку.

– Талоны на индейку? – эхом откликнулся Холлер. – Это еще что такое?

2

Босх наслаждался сценой в духе фильма «„Линкольн“ для адвоката»¹. Холлер заставил полицейского подробно изложить все детали ареста, нащупал ахиллесову пяту оппонента и собирался, используя это, показать высший класс. Босх подумал, что прокурор не случайно сидел, будто воды в рот набрав: он понимал, что против фактов не попрешь. Все будет зависеть от того, как он сумеет аргументировать их трактовку в своей речи перед судьей.

– Так что это за талоны на индейку, офицер Санчес? – повторил вопрос Холлер.

– Ну, в южной части Эл-Эй² есть сеть рынков под названием «Малыш Джон», и каждый год перед Днем благодарения и Рождеством они выделяют нам бесплатные купоны, а мы раздаем их людям.

– То есть в подарок, вы хотите сказать?

– Ну да, в подарок.

– А по какому принципу вы отбираете людей, которым отдаете эти талоны на индейку?

– Мы ищем тех, кто совершает разные добрые дела, ведет себя как надо.

– В том числе соблюдает правила дорожного движения?

– Ну да.

– Значит, в данном случае вы остановили мистера Хеннегана потому, что он корректно повернул направо при красном свете?

– Да.

– Иными словами, вы задержали мистера Хеннегана за то, что он не нарушил закон?

Санчес опять посмотрел на прокурора, надеясь на подсказку, но не получил ее и попытался выпутаться самостоятельно:

– Когда его пассажир убежал, а в багажнике мы нашли деньги и наркотики, стало ясно, что он нарушает закон.

Оправдание выглядело жалко, Холлер же решительно гнул свою линию.

– Офицер Санчес, – сказал он, – прошу вас ответить как можно точнее: в тот момент, когда вы включили фары и сирену, давая мистеру Хеннегану сигнал остановиться, вы не могли упрекнуть его в нарушении каких-либо правил и законов? Это так?

– Ну да, – пробормотал Санчес.

– Скажите, пожалуйста, отчетливо, чтобы ваш ответ можно было записать.

– Да, это так, – бросил Санчес громко и раздраженно.

– Больше у меня нет вопросов, ваша честь, – объявил Холлер судье.

Йеррид поинтересовался у прокурора Райта, не хочет ли он допросить свидетеля. Райт не хотел. Факты были фактами, и никакие уточнения не могли их изменить.

Судья отпустил Санчеса и обратился к адвокату:

– Мистер Холлер, слово за вами. Вы готовы к выступлению?

Адвокат заверил, что настроен устно изложить свои доводы. Райт возразил, что лучше сделать это письменно. Судья прервал их спор, сказав, что желает выслушать аргументы защиты, а письменный их контекст, возможно, понадобится позже.

Холлер поднялся и прошел к кафедре, водворенной между столами обвинителей и защитников.

– Я буду краток, ваша честь, – начал он. – Факты говорят сами за себя предельно ясно: для задержания автомобиля моего клиента не было даже незначительного повода. Когда офицер

¹ «„Линкольн“ для адвоката» – фильм Брэда Фурмана по одноименному роману Майкла Коннелли, снятый в 2011 году, с Мэттью Макконахи в роли Микки Холлера. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Эл-Эй – сокращенное название Лос-Анджелеса.

Санчес с напарником дали мистеру Хеннегану сигнал остановиться, он не нарушал никаких правил и не совершал никаких подозрительных действий.

Холлер захватил с собой сборник правовых норм. Глядя на страницу, освещенную лампочкой, он продолжил:

– Ваша честь, Четвертая поправка к Конституции гласит, что обыск и арест могут производиться только при наличии ордера, выписанного на достаточном основании. Однако, как указано в сборнике Терри, существуют исключения из этого правила. Согласно одному из них, автомобиль можно остановить, если есть основания полагать, что было совершено нарушение, или подозревать, что находящиеся в автомобиле люди занимаются преступной деятельностью. В данном же случае ни одно из этих условий не имело места. Четвертая поправка позволяет правоохранительным структурам прибегать к силе в строго ограниченных случаях. Раздача талонов на индейку не относится к ним. Как показал сотрудник полиции, арестовавший мистера Хеннегана, тот вел автомобиль в полном соответствии со всеми правилами дорожного движения. Не имеет значения, что было обнаружено в багажнике впоследствии. Представители власти нарушили права моего клиента и произвели незаконный обыск и арест.

Холлер сделал паузу, очевидно раздумывая, не надо ли добавить к сказанному что-нибудь еще.

– Ну и последнее, – снова заговорил он. – тот час, который мистер Хеннеган провел взаперти на заднем сиденье патрульной машины, был арестом без ордера и без достаточных оснований – то есть опять же нарушением прав гражданина. И все это явилось результатом незаконной остановки, ваша честь. Одно противоправное действие повлекло за собой другие. Благодарю вас.

Холлер вернулся на свое место. Его клиент не подавал никаких признаков того, что он слушает и понимает происходящее.

– Мистер Райт? – пригласил обвинителя судья.

Прокурор встал и неохотно приблизился к кафедре. Босх не имел юридического образования, но приобрел солидный багаж правовых знаний на практике, и ему было ясно, что у обвинения мало шансов.

– Ваша честь, – начал Райт, – полиции ежедневно приходится контактировать с населением, и иногда это заканчивается арестом. Сборник Терри отмечает одно из положений Верховного суда, где говорится, что «не всякое общение полицейских с гражданами приводит к аресту». В данном случае налицо пример такого общения, целью которого было наградить человека за примерное поведение. Но поступок пассажира, покинувшего автомобиль обвиняемого, изменил ситуацию и вызвал последовавшие за этим действия патрульных.

Райт сверился с записями в своем желтом блокноте и продолжил:

– Обвиняемый является наркодельцом. Первоначально намерения полицейских носили благотворительный характер, но это не может служить препятствием к принятию мер по борьбе с наркотиками. Суд обладает большой свободой выбора в этом отношении, и офицера Санчеса с его напарником нельзя обвинять в том, что они исполняли служебный долг.

Прокурор сел на место, и Босх понял, что в своем выступлении тот фактически сдался на милость суда.

Холлер поднялся, чтобы ответить обвинителю:

– Ваша честь, я хотел бы сделать замечание. Мистер Райт не прав. Он процитировал нам положение из сборника Терри, но упустил из виду другое положение, которое гласит, что полицейский, задержавший гражданина силой или угрозой ее применения, произвел тем самым арест. Обвинитель пытается применить скользкую шкалу оценки и уверить нас, что арест был произведен в тот момент, когда пассажир мистера Хеннегана покинул автомобиль и возникло основание для задержания. Он заявляет, что до этого момента ареста не было. Но это ложная логика, ваша честь. Полицейский Санчес включением фар и сиреной дал мистеру Хеннегану

сигнал остановиться у тротуара. Для подобного задержания должны быть достаточные основания. Граждане нашей страны имеют право путешествовать и перемещаться беспрепятственно. Принудительная остановка водителя с целью поболтать с ним – это такое же посягательство на свободу человека, как и арест. Вручение талонов на индейку не может служить основанием для этого, и потому доводы обвинения несостоятельны. У меня все, ваша честь. Спасибо.

Довольный своей речью, Холлер вернулся на место. Райт не стал выступать с ответным словом. Все, что мог, он уже сказал раньше.

Судья Йеррид вновь потянулся над столом вперед и прокашлялся в микрофон, наполнив аудиторию грохотом, напоминающим взрыв. При этом шуме Хеннеган резко выпрямился, озираясь, и стало ясно, что он таки спал все то время, пока решалась его судьба.

– Прошу прощения, – извинился Йеррид, когда последние раскатистые звуки стихли. – Выслушав свидетельские показания и доводы сторон, суд принимает решение отклонить ходатайство обвинения. Вещественные доказательства, обнаруженные в багажнике...

– Но, ваша честь! – вскричал Райт, вскакивая на ноги. – Тут требуется разъяснение. – Он широко развел руками, словно был изумлен вердиктом, хотя вряд ли мог ожидать чего-либо иного. – Ваша честь, обвинение строится на этих вещественных доказательствах. Вы хотите сказать, что наркотики и деньги ничего в данном случае не значат?

– Да, мистер Райт, именно это я и хочу сказать. Не было оснований останавливать машину. Один ложный шаг испортил все дело, как и говорил защитник.

– Но, ваша честь, это же торговец наркотиками! – не унимался Райт, тыча пальцем в сторону Хеннегана. – Он распространяет заразу в нашем обществе, а вы выпускаете его на все четыре...

– Мистер Райт! – гаркнул судья в микрофон. – Не сваливайте на суд вину за собственную неудачу.

– Обвинение в ближайшие двадцать четыре часа подаст уведомление об апелляции.

– Это ваше право. Будет очень интересно посмотреть, как вам удастся сделать вид, что Четвертой поправки не существует.

Прокурор удрученно поник, а Холлер не упустил возможности подсыпать соли ему на рану.

– Ваша честь, – сказал он, поднявшись, – я хочу возбудить ходатайство о снятии обвинения с моего подзащитного. Нет никаких оснований для продолжения дела.

Йеррид кивнул. Он предвидел это и решил на этот раз сделать шаг навстречу обвинителю.

– Перед окончательным вынесением решения, мистер Холлер, я собираюсь принять это дело к рассмотрению. Возможно, обвинение действительно подаст апелляционную жалобу. Вы хотите еще что-нибудь добавить, господа?

– Нет, ваша честь, – ответил прокурор.

– Да, ваша честь, – сказал Холлер. – Мой подзащитный в данный момент находится под стражей; ему отказано в праве выйти под залог в полмиллиона долларов. Я прошу отпустить его на свободу до подачи апелляции.

– Обвинение протестует, – заявил Райт. – Сообщник Хеннегана сбежал. Нет гарантий, что и он не сбежит тоже. Как я уже говорил, мы собираемся обжаловать судебное решение и вновь дать этому делу ход.

– Понятно, – отозвался Йеррид. – При рассмотрении дела мы затронем и вопрос о поручительстве. Будем ждать, какие шаги предпримет обвинение. Мистер Холлер, вы можете рассчитывать на повторное слушание вашего ходатайства в том случае, если подчиненные окружного прокурора будут затягивать дело.

Судья предупредил Райта, что при этом он будет вынужден вмешаться и принять меры.

– Если у вас все, то на сегодня будем считать заседание закрытым, – сказал он.

Убедившись, что замечаний ни с той ни с другой стороны не последует, Йеррид встал и вышел через служебный ход.

Холлер хлопнул Хеннегана по плечу и, наклонившись к нему, стал объяснять, какую грандиозную победу он только что одержал. Впрочем, это, как понимал Босх, вовсе не означало, что Хеннегана тут же отпустят восвояси. Ничего подобного не произойдет. Вместо этого начнутся переговоры. Дело обвинителей было, безусловно, проиграно, однако они могли, пока Хеннеган находился под стражей, договориться о частичном удовлетворении своих требований. Если бы Хеннеган признал вину, Райт мог бы предъявить ему более легкое обвинение и сократить срок тюремного заключения с нескольких лет до нескольких месяцев. Главная цель прокурорского надзора была бы при этом достигнута, преступление осуждено.

Эта кухня была знакома Босху. Закон был податлив, и юристы всегда могли торговаться.

Знал это и судья. Он находился в тупиковой ситуации. С одной стороны, всем было ясно, что Хеннеган – наркоделец. Но с другой стороны, арест был произведен неграмотно, и из-за этого улики против Хеннегана теряли свою ценность. Пока он был под стражей, имелась возможность выработать решение, которое не позволило бы ему остаться безнаказанным.

Райт быстро уложил бумаги в портфель и двинулся к выходу, бросив защитнику, что будет на связи.

Холлер кивнул в ответ и тут наконец заметил Босха. Кратко переговорив с клиентом, которого помощник судьи уже пригласил в камеру, адвокат подошел к Босху и спросил:

– Ты много пропустил?

– Я видел главное – мистер Райт сел в лужу.

Холлер расплылся в улыбке:

– Я много лет мечтал утереть нос этому типу.

– Видимо, нужно тебя поздравить.

– Ну, по правде, нечасто удается отразить обвинения прокуроров – я могу перечислить такие случаи на пальцах двух рук.

– Своему клиенту ты тоже это говоришь?

– Его тонкости судопроизводства не интересуют. Все, что он хочет знать, – когда его выпустят.

3

Они зашли в «Траккс» на вокзале Юнион-стейшн. Это был хороший ресторан, и, поскольку вокзал находился недалеко от здания суда, многие юристы, по обыкновению, приходили сюда на ланч. Официантка знала Холлера и даже не стала давать ему меню, удовлетворившись его заказом «как обычно». Босх же заглянул в меню и попросил принести гамбургер и картофель фри, чем, похоже, несколько шокировал Холлера.

По пути в ресторан они беседовали о делах семейных, поскольку были единокровными братьями и имели дочерей одного возраста. С сентября девушки должны были жить вместе в кампусе при Чепменском университете в округе Ориндж. Каждая из них подала заявление о приеме, не подозревая, что другая сделала то же самое, и обе в один день получили через «Фейсбук» подтверждение приема. Узнав об этом, они, естественно, захотели поселиться в одной комнате. Их отцов это устраивало как нельзя больше: так они могли совместно заботиться об образовании и благосостоянии дочерей.

Усевшись же за столиком у окна, через которое был виден вокзальный зал ожидания с его многочисленными выступами и нишами, братья решили, что пора уже сменить тему разговора. Босху нужна была свежая информация по делу, которым по его просьбе занимался Холлер. За год до этого Босх был временно отстранен от работы в Управлении полиции Лос-Анджелеса (УПЛА) из-за небольшой провинности: он взломал дверь кабинета начальника отдела, чтобы просмотреть старые документы, имевшие отношение к убийству, которое он в то время расследовал. Это произошло в воскресенье. Босх не хотел терять сутки, ожидая появления капитана на работе. При всей своей незначительности проступок, по-видимому, стал первым шагом в процессе увольнения Босха.

Хуже всего было то, что он лишился зарплаты. Пенсионные сбережения по опционной программе отсроченного выхода в отставку тоже перестали пополняться, и он не имел доступа к накопительному фонду. Босх обратился в Комиссию по правам, но рассмотрение вопроса могло занять более полугода, и за это время период отсрочки истек бы. У него же не было денег на оплату обучения дочери в колледже и даже на проживание. Пришлось уволиться, чтобы получать пенсию и иметь возможность пользоваться средствами, накопленными в течение отсрочки. Босх подал иск о незаконных действиях управления, вынудивших его оставить работу.

В этот раз Холлер предпочел обсудить вопросы при личной встрече, что, по мнению Босха, было плохим знаком. До сих пор адвокат информировал его о ходе дела по телефону. Вероятно, что-то пошло не так.

– Полагаю, ты очень горд тем, что вызволил этого наркодельца? – заметил Босх.

– Ты же не хуже меня понимаешь, что он никуда не денется, – ответил Холлер. – У судьи не было выбора. А теперь этим займется окружной прокурор и припаяет моему клиенту какой-то срок.

– А чемодан с наличными ему наверняка вернут, – предположил Босх. – У тебя большая доля? Если не возражаешь, спрашиваю из любопытства.

– Пять штук плюс автомобиль. В тюрьме он ему не понадобится. Я знаю одного ликвидатора, который займется этим. Получу сверху еще пару тысяч.

– Неплохо.

– Неплохо, Гарри, если только все срастется. Мне надо оплатить разные счета. Хеннеган нанял меня, так как прочитал мое имя на автобусной остановке, пока сидел в патрульной машине на углу Флоренс-авеню, – и запомнил телефон. Я заказал шестьдесят рекламных постеров, расклеенных по Норманди и всему городу, и угрохал на это изрядную сумму. Если стремишься вперед, будь готов раскошеляться.

Босх настоял на том, чтобы заплатить Холлеру за помощь в продвижении его иска, но, разумеется, плата была мизерной по сравнению с заоблачными высотами, которых ежедневно достигал адвокат, работая на Хеннегана. Взяв помощника для выполнения заданий вне стен суда, Холлеру удалось даже снизить затраты по иску. Он называл это правоприменительной скидкой.

– Кстати, о деньгах, – заметил Холлер. – Ты представляешь, во сколько нам обойдется учеба в Чепмене?

– Потратим целую пропасть денег. Больше, чем я заработал за первые десять лет в полиции. Но у Мэдди двойная стипендия. А как с этим у Хейли?

– Тоже вполне успешно, и это, разумеется, упрощает задачу.

Босх кивнул. Похоже, они поговорили обо всем, кроме того, ради чего встретились.

– Ну, выкладывай плохие новости, пока нам не принесли еду, – сказал он.

– Какие плохие новости?

– Я не знаю. Просто ты впервые назначаешь мне встречу, чтобы обсудить дела. Я понимаю это как плохой знак.

– Да нет, – энергично возразил Холлер, – я вообще не собирался обсуждать твои раздоры с УПЛА. Дело потихоньку продвигается. Как мы загнали их в угол, так они там и сидят. Нам нужно подумать о другом. Я хочу нанять тебя, Гарри.

– Нанять? Для чего?

– Ты ведь знаешь, что я занимаюсь делом Лекси Паркс, защищаю Да'Куана Фостера?

Босх не ожидал, что беседа примет такой оборот.

– Ну да, я слышал про твоего Фостера. Но какое отношение я...

– Понимаешь, Гарри, через шесть недель состоится суд, а у меня нет даже самой ерундовой зацепки, чтобы защитить его. Он невиновен, поверь мне, а наша замечательная судебная система перемелет его с хрустом. Если я ничего не предприму, его будут судить за убийство. Вот я и хочу, чтобы ты что-нибудь раскопал.

Холлер с такой горячностью подался в сторону Босха, что тот невольно отпрянул. У него уже не в первый раз возникло ощущение, что он не знает чего-то, известного всем вокруг. После ухода в отставку он далеко не всегда был в курсе последних городских событий. Он знал, что велось громкое дело об убийстве Лекси Паркс и что обвиняли Да'Куана Фостера, но это было все. Полгода он избегал читать газетные статьи и смотреть телепередачи, напоминавшие ему о деле, которому он отдал почти тридцать лет жизни, – о расследовании убийств. Он даже приступил к осуществлению давным-давно задуманного, но так и не реализованного плана реставрации мотоцикла «харлей-дэвидсон», вот уже пару десятков лет ржавевшего и пылившегося в гараже.

– У тебя же был в сыщиках какой-то амбал с кулачищами, – сказал Босх.

– Ну да – Сиско. Но он временно нетрудоспособен, да и вообще ему такое не по зубам. Я беру дела об убийствах не чаще чем раз в два года, а за это взялся лишь потому, что Фостер мой давний клиент. Ты мне очень нужен, Гарри.

– Нетрудоспособен? А что с ним такое?

Холлер резко дернул головой, словно его вдруг пронзила боль.

– Парень носится на своем «харлее» целыми днями по любым дорогам, перескакивая с одной полосы на другую. Гоняет в новомодном шлеме, из тех, что не защищают шею и оказываются полной бутафорией в критических ситуациях. Я предупреждал, что рано или поздно он доиграется, и попросил его завещать мне свою печень. Таких лихачей называют мотодонорами. Пусть даже они классно управляют мотоциклом, всегда найдется какой-нибудь лопух, из-за которого они и погорят.

– И что с ним произошло?

– Мчал недавно по бульвару Вентура, и какой-то придурок неожиданно подрезал его и выпихнул на встречную полосу. Сиско удалось увернуться от одного автомобиля, но затем пришлось соскочить с мотоцикла – у него не было передних тормозов. В результате проехался на бедре через весь перекресток. Хорошо еще, что на нем был кожаный комбинезон, который смягчил удар, но связки колена полетели к черту. Передвигаться он не может, и врачи говорят о полной замене коленного сустава. Но дело не в этом. Сиско проявил себя как отличный детектив защиты, однако мне нужен сыщик с опытом расследования убийств. Если Фостера осудят, Гарри, это будет мучить меня до конца дней. Невинные клиенты навсегда оставляют шрамы – надеюсь, ты понимаешь меня.

Босх внимательно выслушал брата и, помолчав, сказал:

– У меня другие планы на ближайшее будущее.

– Какое-то расследование?

– Нет, реставрация старого мотоцикла.

– Господи! И ты, Босх?

– У меня такой же «харлей», пятидесятого года, какой был у Ли Марвина в фильме «Дикарь». Он достался мне от одного парня, с которым я служил двадцать лет назад. Парень написал завещание, по которому оставлял мне свой мотоцикл, и спрыгнул со скалы в Орегоне. С тех пор «харлей» хранится у меня.

– Раз он столько времени ждал, подождет еще немного, – отмахнулся Холлер. – Пойми, я в отчаянии, оттого что не знаю, как защитить невинного человека. Никто не хочет слушать меня, и...

– Это все испоганит.

– Что-что?

– Если я возьмусь работать на тебя – не на тебя лично, а на любого адвоката, – то это перечеркнет все, что я делал в полиции.

– Послушай, – горячо возразил Холлер, – я же предлагаю тебе просто расследовать дело, а не...

– Все полетит к черту. Знаешь, как в убийном отделе называют тех, кто работает то на обвинение, то на защиту? Джейн Фонда – имея в виду ее дружбу с бойцами Северного Вьетнама³. Понимаешь? Это все равно что быть заодно с преступниками.

Холлер молчал, глядя через окно, как зал ожидания заполняется пассажирами, которые спускались с линии Метролинк, проложенной на крыше.

Прежде чем он успел что-нибудь сказать, официантка принесла им еду. Пока она расставляла тарелки и наполняла стаканы чаем со льдом, Холлер смотрел на брата; когда же ушла, Босх заговорил первым:

– Тут, Мик, ничего личного. Если бы я согласился делать такую работу, то в первую очередь для тебя.

Босх уточнил это не случайно. Они оба были сыновьями знаменитого адвоката, но росли порознь и были далеки друг от друга не только территориально, но и по возрасту. Впервые братья встретились всего несколько лет назад. Хотя Холлер находился по другую сторону барьера, он нравился Босху и вызывал его уважение.

– Прости, старина, – продолжил Босх, – но так обстоят дела. Поверь, я много думал об этом. Есть черта, которую я не могу переступить. Ты не первый обращаешься ко мне с такой просьбой.

– Понимаю, – кивнул Холлер. – Но я предлагаю тебе нечто совершенно иное. Я убежден, что моего клиента подставили, сфабриковали ложные улики с помощью ДНК, которые я не могу опровергнуть, и из-за них ему будет крышка, если я не найду помощника вроде тебя.

³ Американская киноактриса Джейн Фонда (р. 1937) была активной противницей войны во Вьетнаме.

– Ну, Мик, не заблуждайся. Все без исключения адвокаты во всех залах суда ежедневно говорят то же самое. Все их клиенты невиновны, обвинения ложны, доказательства сфабрикованы. Я слышал это в течение тридцати лет на каждом судебном заседании. И знаешь, что я скажу? Мне ни разу не приходилось менять свое мнение о тех, кого я сажал за решетку. А ведь каждый из них заверял меня, что он не совершал преступления.

Холлер ничего не ответил, и Босх, воспользовавшись этим, решил приступить к еде. Все было хорошо приготовлено, но неприятный разговор отбил у него аппетит. Холлер намотал лист салата на вилку, но тоже не ел.

– Послушай, я прошу тебя только познакомиться с делом, а там уже решишь. Поговори с Фостером, сам убедишься, что я прав.

– Не буду я ни с кем говорить.

Босх вытер рот салфеткой и положил ее на стол:

– Мик, хочешь побеседовать о чем-нибудь еще? А то я пойду.

Холлер уставился на свою тарелку с нетронутой едой. В глазах у него было отчаяние, вызванное страхом проиграть дело, страхом, что придется жить с чувством вины.

Он отложил вилку и сказал:

– Давай заключим сделку. Ты расследуешь это дело и, если найдешь улики против Фостера, сразу сообщаем о них окружному прокурору. Что бы это ни было и как бы ни навредило моему клиенту, мы предаем гласности все, что не нарушает конфиденциальности общения между адвокатом и клиентом.

– Интересно, что скажет по этому поводу твой клиент?

– Он будет целиком за, потому что невиновен.

– Ну да, ну да.

– Послушай, обдумай мое предложение, а потом дашь ответ, – предложил Холлер.

Босх отодвинул свою тарелку. Он толком и не начинал есть, но ланч был для него закончен.

– Мне нечего обдумывать, – отрезал он и вытер руки салфеткой. – А ответ я даю прямо сейчас: я тебе не помощник.

Босх поднялся и, кинув салфетку на стол, достал из кармана деньги, отсчитал сумму, покрывавшую весь счет, и засунул банкноты под солонку. Холлер сидел, глядя на зал ожидания за окном.

– Ну ладно, – сказал Босх. – Я пошел.

4

Весь уик-энд Босх успешно отгонял от себя мысли о предложении Холлера. В субботу они с дочерью съездили в округ Ориндж, чтобы она могла взглянуть на колледж и познакомиться с городом. На ланч они зашли в ресторанчик около кампуса, где все блюда подавались на вафлях, а затем посмотрели в близлежащем Анахайме бейсбол, болея за «Ангелов»⁴.

В воскресенье он приступил к осуществлению программы реставрации мотоцикла и начал с одного из важнейших пунктов. С утра разобрал карбюратор, вымыл и протер все части и разложил их для просушки на газетах, разостланных на столе в гостиной. Он приобрел недавно в магазине «Глендейл Харлей» набор для ремонта мотоциклов, так что все прокладки были новыми. Руководство по ремонту, написанное неким Клаймером, предупреждало, что в случае, если он неправильно закрепит прокладку, плохо прочистит жиклер или допустит какой-либо иной из множества возможных промахов, вся программа восстановления полетит к черту. После ланча на открытой террасе Босх вернулся в гостиную, включил стереосистему, вооружился крестовой отверткой и принялся собирать карбюратор. Все операции он производил в порядке, обратном тому, которому следовал при разборке, и то и дело сверялся с Клаймером. Помогал работе и квинтет Джона Хэнди, исполнявший джазовую мелодию шестьдесят седьмого года «Naima», посвященную Джону Колтрейну⁵. По мнению Босха, ни у кого саксофон не звучал так прекрасно, как у Хэнди.

Карбюратор быстро принимал надлежащий вид. Когда дело дошло до жиклера, Босх заметил, что тот лежит на газетной фотографии. Снимок запечатлел бывшего губернатора Калифорнии, с улыбкой на лице и сигарой в зубах, который обнимал бывшего члена законодательного собрания штата от Восточного Лос-Анджелеса.

Босх понял, что это старый экземпляр «Таймс», который он хотел сохранить. Там была напечатана типичная статья на политическую тему. За несколько лет до этого, перед самой отставкой, губернатор, используя свое право главы исполнительной власти на помилование, сократил срок тюремного заключения убийцы, определенный приговором суда. Дело в том, что убийца был сыном его приятеля, члена законодательного собрания. Молодой человек участвовал в поножовщине и вместе с другими нанес жертве смертельные удары. Он чистосердечно признал себя виновным и надеялся на снисхождение суда, однако был приговорен к тюремному заключению, ему грозило от пятнадцати до тридцати лет. А губернатор, сдавая дела прежнему, успел уменьшить срок до семи лет.

Губернатор напрасно понадеялся, что его последний указ в этой должности пройдет незамеченным. Пресса подняла шум, обвиняя его в кумовстве, фаворитизме и прочих тяжких политических грехах. «Таймс» опубликовала в двух номерах всесторонний обзор этой грязной истории. Босх с омерзением читал его, но газеты не выбросил, а перечитывал статью снова и снова, чтобы не забывать о недостатках существующей системы судопроизводства. До вступления в должность губернатор был киноактером и играл роли неправдоподобно благородных героев, жертвовавших всем ради торжества справедливости. После ухода с поста он вернулся в Голливуд, желая продолжить кинематографическую карьеру. Но Босх поклялся никогда больше не смотреть фильмов с его участием, даже если телевидение будет показывать их без рекламы.

Навеянные статьей мысли о злоупотреблениях власти отвлекли Босха от сборки карбюратора. Он поднялся из-за стола, вытер руки тряпкой для работы в гараже и, отбросив ее, вспомнил, что прежде раскладывал на этом столе полицейские отчеты об убийствах, а не мото-

⁴ Имеется в виду профессиональный бейсбольный клуб «Лос-Анджелес энджелс» («Ангелы Лос-Анджелеса»).

⁵ Джон Колтрейн (1926–1967) – американский джазовый саксофонист и композитор.

циклетные запчасти. Открыв раздвижную стеклянную дверь гостиной, он вышел на террасу и посмотрел на город. Дом его был возведен на склоне холма, ограничивавшего с запада перевал Кауэнга, так что с террасы открывался вид на сто первую автостраду, Голливудские холмы и Универсал-Сити.

Даже в воскресенье шоссе было забито транспортом, мчавшимся через перевал в обоих направлениях. Босх был безмерно рад, что после отставки он свободен от участия в этой гонке, от служебных обязанностей, непрерывного напряжения и чувства ответственности за каждый свой шаг. Вместе с тем он понимал, что зря радуется. Как бы угнетающе ни действовала на него эта река из света и стали, он, по сути дела, не покинул ее. Внешний мир все еще нуждался в нем.

Микки Холлер обратился к нему в пятницу с просьбой о помощи, так как верил, что его клиент невиновен. Но это еще надо было доказать. И Холлер упускал из виду оборотную сторону проблемы: если Фостер действительно не совершал убийства, значит это сделал кто-то другой. Человек, искать которого никому и в голову не приходило, достаточно хитрый, чтобы сфабриковать ложные улики. Босх сознавал это, и вопреки тому, что он говорил Холлеру в ресторане, эта мысль тревожила его в течение всего уик-энда, хотя он и гнал ее от себя.

Взяв мобильный телефон, он ткнул пальцем в один из важных номеров быстрого набора.

После пяти гудков послышался нетерпеливый голос Вирджинии Скиннер:

– Гарри, я в жуткой запарке. Что у тебя?

– И где это ты паришься в воскресный вечер?

– Вызвали.

– А что случилось?

– Вчера вечером в Вудленд-Хиллз машина сбила пешехода и скрылась. В ней ехал Сэнди Милтон.

Милтон был членом городского муниципалитета, убежденным консерватором. Скиннер работала репортером политических новостей в «Таймс». Было ясно, почему ее вызвали, но Босх не понимал, почему она не позвонила ему в связи с этим. Он мог бы посоветовать ей, к кому из сотрудников управления полиции следует обратиться за подробной информацией. Это лишний раз показало Босху, что происходило (а точнее, чего не происходило) в их отношениях за последние месяц-полтора.

– Мне надо бежать, Гарри.

– Да, конечно. Прости, что отвлекаю. Позвоню позже.

– Лучше я сама тебе позвоню.

– Хорошо. Наш сегодняшний ужин не отменяется?

– Нет-нет. Но сейчас мне надо идти.

Вирджиния отключилась. Босх вернулся в дом и открыл холодильник, чтобы взять пива и проверить, что там есть. Он убедился, что там нет ничего, что могло бы соблазнить Вирджинию подняться к нему на холм. К тому же часов в восемь должна была вернуться с курсов по изучению полицейской работы дочь Босха Мэдди, что создало бы определенные неудобства. Мэдди познакомилась с его пассией не так давно, и они знали друг друга еще недостаточно хорошо.

Босх решил, что предложит Вирджинии сходить в какой-нибудь ресторан.

Не успел он открыть бутылку и поставить диск Рона Картера⁶, записанный в токийском музыкальном центре Блу-Ноут, как телефон зазвонил.

– Быстро ты, однако, – удивился Босх.

– Только что сдала колонку о том, как это ЧП может отразиться на политической карьере Милтона. Минут через десять-пятнадцать мне позвонит Ричи Бедветтер с редакторскими замечаниями. Мы уложимся?

⁶ Рон Картер (р. 1937) – американский джазовый басист и виолончелист.

На самом деле редактора звали Ричард Ледбеттер. Вирджиния переименовала его в Бедветтера⁷, потому что он был юн и неопытен – на двадцать с лишним лет моложе, – но упрямо пытался учить ее собирать материал, писать статьи и вести еженедельную колонку политических новостей, которая виделась ему как блог. Отношения между ними накалялись, и Босх боялся, что в случае непримиримого конфликта Вирджиния окажется уязвимой стороной, так как благодаря своему опыту она была более высокооплачиваемым сотрудником и, с точки зрения руководства, более подходящей кандидатурой для увольнения.

– Куда ты хочешь меня сводить? Куда-нибудь в центре города?

– Или недалеко от твоего дома. Ты позвонила, тебе и решать. Только не индийская кухня.

– Разумеется. Надо подумать. Набери меня, когда доедешь до Эхо-парка, – может быть, к тому времени я что-нибудь соображу.

– Хорошо. Но у меня просьба. Не могла бы ты припомнить кое-какие детали одного дела?

– Какого?

– Был арестован парень по обвинению в убийстве. Кажется, этим занимается УПЛА. Его зовут Да'Куан Фостер. Я хотел бы знать...

– Ага, точно, Да'Куан Фостер. Он убил Лекси Паркс.

– Да.

– Это громкое дело, Гарри.

– Насколько громкое?

– Настолько, что мне нет необходимости рассказывать о нем. Просто выйди в Интернете на сайт газеты и запроси имя Лекси Паркс. Там полно материала об этом убийстве, о том, кем она была и почему Фостера арестовали только месяц спустя. Кстати, делом занимается не УПЛА, а управление шерифа – это произошло в Западном Голливуде. Слушай, мне пора. Ричи подает сигнал.

– Хорошо. Я...

Вирджиния его уже не слышала. Положив телефон в карман, Босх вернулся в гостиную. Взяв расстеленную на столе газету за углы, он стряхнул будущий карбюратор в сторону, достал с полки ноутбук и включил его. Пока компьютер просыпался к жизни, Босх, покосившись на карбюратор, подумал, что был не прав, полагая, что сборка мотоцикла может вытеснить все остальное.

Тем временем Рон Картер в сопровождении двух гитар стал играть мелодию Милта Джексона «Bag's Groove»⁸. Босх подумал, что он тоже выбился из привычной колеи и оттого ему не по себе.

Сев за компьютер, Босх вышел на сайт «Таймс» и набрал имя Лекси Паркс. Обнаружились триста тридцать три эпизода из ее жизни за последние шесть лет. Ограничившись последним годом, Босх сократил их число до двадцати шести. Первая статья от десятого февраля две тысячи пятнадцатого года была озаглавлена так: «Всеобщая любимица, помощник сити-менеджера Западного Голливуда найдена убитой в своей постели».

Просмотрев веб-страницы, Босх наткнулся на заголовок репортажа от девятнадцатого марта того же года: «По делу об убийстве Лекси Паркс арестован один из гангстерских авторитетов».

Он вернулся к первой заметке, решив, что сначала надо прочитать сообщение об убийстве, а если успеет, то и об аресте.

В первой публикации говорилось не столько о преступлении, сколько о самой Лекси Паркс, потому что в управлении шерифа очень неохотно делились информацией с журналистами. Собственно говоря, все можно было свести к одной фразе: Паркс была избита до смерти

⁷ Bedwetter – мочащийся в постель (англ.).

⁸ «Привычная колея» (англ.). Композиция Милта Джексона, американского джазового музыканта, виброфониста.

в своей постели, где ее и обнаружил вернувшийся с ночного дежурства муж, помощник шерифа в Малибу.

Прочитав, что муж Лекси Паркс занимал крупный пост в полиции, Босх громко выругался. Это существенно усугубило бы трудное положение Босха, если бы он взялся сотрудничать с адвокатом, ведь полицейские восприняли бы его действия как оскорбление. Хитрец Холлер утаил столь важную деталь, приглашая его поработать вместе.

Тем не менее Босх продолжал просматривать материалы и узнал, что Лекси Паркс входила в четверку ассистентов сити-менеджера Западного Голливуда и руководила отделами общественной безопасности, защиты потребителей и связи со средствами массовой информации. «Всеобщей любимицей», как ее называли в заголовке статьи, Паркс стала благодаря тому, что при решении социальных вопросов и в прессе она выступала от лица горожан. К моменту убийства ей исполнилось тридцать восемь лет, из которых двенадцать она проработала на благо города, начав карьеру инспектором жилых помещений и постепенно поднимаясь по служебной лестнице. С будущим мужем, помощником шерифа Винсентом Гарриком, Паркс познакомилась во время работы. Западный Голливуд заключил договор с управлением шерифа о принятии правоприменительных мер, и Гаррика командировали для выполнения этих обязанностей в полицейский участок на бульваре Сан-Висенте в Западном Голливуде. После женитьбы Гаррик решил покинуть этот участок, чтобы избежать возможного конфликта интересов между ним, как представителем шерифа, и его женой при совместной работе над муниципальными задачами. Послужив какое-то время в южном округе на Линвуд-стейшн, он перевелся в Малибу.

В надежде узнать больше об этом деле Босх открыл статью, опубликованную на следующий день после первой. Уже в заголовке статьи было кое-что новенькое: «Лекси Паркс была убита на сексуальной почве». Согласно детективам шерифа, убийца вторгся в дом Паркс, когда она спала, изнасиловал ее и безжалостно избил каким-то тупым предметом. Что это был за предмет и куда он делся, не сообщалось, как и о том, были ли обнаружены какие-либо улики на месте преступления. Изложив эти скудные сведения, автор статьи описал, какую реакцию вызвало известие об убийстве Паркс у людей, знавших ее и ее мужа, и какой страх оно вселило в души горожан. Сообщалось также, что Гаррик взял внеочередной отпуск, чтобы справиться с горем.

Покончив со второй статьей, Босх просмотрел список публикаций по этому делу, но, судя по заголовкам, в них не было ничего интересного. Сначала сообщения печатались ежедневно, затем еженедельно, но все заголовки носили негативный характер: «Лиц, подозреваемых в убийстве Паркс, не обнаружено», «Следствие по делу Паркс зашло в тупик», «Администрация Западного Голливуда предлагает сто тысяч за помощь в деле Паркс». Как известно, обещание премии означает, что полиция бессильна и готова ухватиться за любую соломинку.

Но затем следователям повезло. В пятнадцатой по счету заметке, опубликованной через тридцать восемь дней после убийства, сообщалось об аресте художника по имени Да'Куан Фостер, подозреваемого в убийстве Лекси Паркс. На сорокаоднолетнего Фостера вышли совершенно случайно, когда данные по его ДНК совпали с результатами исследования улик, оставшихся на месте преступления. Арест был произведен группой сотрудников Управления полиции Лос-Анджелеса в художественной студии Леймерт-Парка сразу после того, как Фостер провел урок живописи с группой школьников по программе продленного дня.

Эти сведения заставили Босха задуматься. Обучение школьников живописи никак не вязалось с образом гангстерского авторитета. Может быть, безвозмездные занятия с детьми засчитывались Фостеру как часть уголовного наказания? Босх продолжил чтение.

Результаты теста ДНК, собранной около трупа Паркс, были занесены в банк данных штата и сопоставлены с информацией о ДНК Фостера, полученной в две тысячи четвертом году при его аресте по подозрению в изнасиловании. В тот раз обвинения против него не выдвинули,

но сведения о его ДНК остались в базе данных Калифорнийского отделения Министерства юстиции.

Босху хотелось прочитать и другие материалы по этому делу, но пора было идти, чтобы не опоздать на встречу с Вирджинией Скиннер. Вдруг ему бросился в глаза заголовок: «Подозреваемый в убийстве Паркс изменил свою жизнь», и Босх быстро пробежался по статье. В ней говорилось, что Да'Куан Фостер прежде входил в банду «Роллинг Крипс», но с тех пор «исправился» и стал служить на пользу обществу. Он был художником-самоучкой, и его работы были выставлены в музее Вашингтона. В студии на бульваре Денан он давал уроки живописи школьникам по выходным дням и по окончании учебных занятий. Фостер был женат и имел двух маленьких детей. Для полноты картины сообщалось, что в прошлом Фостера несколько раз задерживали с наркотиками, а в девяностые годы ему присудили четырехлетнее тюремное заключение. В две тысячи первом его освободили досрочно, и с тех пор более десяти лет за ним не наблюдалось нарушений закона, не считая ареста по подозрению в изнасиловании, без какого-либо последовавшего обвинения.

В газете были приведены также отзывы местных жителей, знавших Фостера. Они выражали сомнение по поводу выдвинутого против него обвинения и подозревали, что его подставили. Ни один из них не верил, что он мог быть убийцей Лекси Паркс.

Оставалось только гадать, чем могла не угодить Фостеру эта женщина и был ли он вообще знаком с ней.

Босх закрыл ноутбук, чтобы не заставлять Вирджинию ждать его там, где она решит с ним встретиться. Им надо было поговорить. Их отношения в последнее время стали несколько напряженными – в основном из-за того, что она все свое время посвящала работе, а Гарри был занят разве что планами реставрации мотоцикла, которому было примерно столько же лет, сколько ему самому.

Поднявшись из-за стола, он прошел в спальню, надел чистую рубашку и классические туфли.

Десять минут спустя его автомобиль уже съезжал с холма, чтобы влиться в стальной поток на шоссе. Подчиняясь правилам, Босх пристегнул ремень и вставил в ухо подсоединенный к телефону наушник. Когда он носил полицейский жетон, то чаще всего не обращал внимания на эти мелочи. Но теперь его могли оштрафовать за телефонный разговор во время вождения, если бы увидели, что он держит сотовый в руке.

Набрав номер Холлера, Босх по звуку определил, что тот тоже куда-то едет, сидя на заднем сиденье своего «линкольна».

- У меня есть вопросы по Фостеру, – сказал Босх.
- Давай, – оживился Холлер.
- Какой материал использовали при определении ДНК – кровь, слюну, сперму?
- Сперму, найденную на трупе.
- Снаружи или внутри?
- И там, и там. Во влагище, на бедрах, на простынях.

Босх помолчал. Шоссе вилось по Голливудским холмам над городом. Он проезжал мимо здания «Кэпитол рекордс». Оно было построено когда-то в виде стопки грампластинок, но теперь выглядело не столь заманчиво, как прежде. Не многие люди в наши дни слушают пластинки.

– Что рассказать тебе еще? – спросил Холлер. – Я рад, что ты заинтересовался этим делом.

– Ты давно знаешь этого парня?

– Почти двадцать лет. Он был моим клиентом. Не ангел, конечно, но в нем есть какая-то человечность. Он никого не убивал – либо слишком умен для этого, либо слишком мягкий

характер. А может, и то и другое. Как бы то ни было, он сделал крутой поворот и распростился с прежней жизнью. Отсюда моя уверенность.

– В чем?

– В том, что он невиновен.

– Я прочитал о нем кое-что в Интернете. Что это за история с арестом в связи с изнасилованием?

– Это ерунда. Я покажу тебе материалы. Тогда задержали не только его, но еще человек двадцать. Дня не прошло, как его отпустили.

– Ты на каком этапе? Досье у тебя есть?

– Да, я сделал подборку. Но если ты действительно собираешься вникнуть в этот вопрос, я думаю, тебе надо поговорить с клиентом. Читая документы, ты видишь события с точки зрения обвинения, а все остальное...

– Остальное меня не интересует. Главное – досье. Там есть все, что надо и что не надо. Подготовишь мне копию?

– Да, к завтрашнему утру.

– Спасибо. Позвони, я подъеду и заберу.

– Так, значит, ты участвуешь?

– Я возьму досье, а там посмотрим.

Босх выключил телефон и задумался о разговоре с Холлером и о прочитанном в статьях. Окончательного решения он еще не принял – не переступил черту, хотя понимал, что подошел к ней вплотную. Растущее в нем чувство убеждало, что он вновь собирается следовать своему призванию.

5

Босх встретился с Вирджинией Скиннер в популярном итальянском ресторанчике «Фактори китчин», расположенном в Районе искусств недалеко от Аламида-стрит. Она выбрала это место в соответствии со своим вкусом, отвергнув предложения Босха.

Зал был полон, и все, что говорилось, отражалось эхом от кирпичных фабричных стен. Вряд ли подходящее место для того, чтобы выяснять разладившиеся отношения. Тем не менее эти двое их обсуждали.

Проглотив порцию утиного рагу с длинной плоской лапшой тальятелле, Скиннер заявила, что они с Босхом больше не пара. За тридцать лет работы репортером уголовной хроники и политических новостей она привыкла говорить без обиняков и недомолвок обо всем, включая любовные отношения и собственные потребности. Она сказала, что Босх изменился. Он заикнулся на своих переживаниях по поводу потери работы и на поисках места в новой жизни, а отношения с ней больше не являются для него предметом первой необходимости.

– Я думаю, Гарри, мне лучше отойти в сторону и не мешать тебе налаживать свою жизнь.

Босх кивнул. Ее решение не удивило его – как и приведенные ею мотивы. Он и сам чувствовал, что их отношения, зародившиеся меньше года назад, недолговечны. Начались они в горячке их совместной работы над громким делом, которое Босх расследовал, в то время как Вирджиния комментировала разразившийся вокруг этого политический скандал. Их профессиональное взаимодействие обрело романтическую окраску. Когда служебные тревожения остались позади, оба задумались над тем, связывает ли их что-либо еще.

Вирджиния грустно коснулась ладонью его щеки:

– Пройдет несколько лет, и со мной случится то же самое.

– Да нет, у тебя все будет в порядке, – возразил Босх. – Твое дело – рассказывать истории, а они будут нужны всегда.

После ужина, ожидая, пока парковщик подаст их автомобили, они обнялись на прощание, пообещав быть «на связи». Но оба знали, что связи больше не будет.

6

В понедельник в одиннадцать часов утра Босх встретился с Холлером на центральной автостоянке на Третьей улице под сенью распростертых рук актера Энтони Куинна, изображенного на брандмауэре. Босх подогнал свой старый «чероки» к задней двери припаркованного «линкольна», и оконное стекло опустилось. Из-за того что машины стояли под углом друг к другу, а стекла «линкольна» были к тому же тонированными, Босх не видел, кто сидит за рулем.

Со своего заднего сиденья Холлер протянул ему в окошко толстую папку, обмотанную резиновой лентой. Босх ожидал увидеть что-то вроде скоросшивателя, в каких обычно хранят документы в полиции. Напиханные в папку бумаги и фотокопии лишней раз подчеркивали, что расследование, которое он собирался предпринять, будет коренным образом отличаться от его прежней работы. Ему придется полагаться только на самого себя.

– Что ты будешь с этим делать? – спросил Холлер.

– Засяду где-нибудь и прочту все. Что еще я могу с этим делать?

– Это понятно. Я имею в виду, что ты хочешь там найти?

– То, что опущено в официальных сообщениях. Учти, я пока ничего не решил. Сегодня утром я просмотрел статьи и, честно говоря, не вижу того, что видится тебе. Парень – преступник. Ты и познакомился-то с ним потому, что он совершал преступления. Так что могу обещать тебе только одно: прочитать все это и высказать свое мнение.

Он взвесил на руке неопрятный кирпич и добавил:

– Если я не найду ничего пропущенного и никаких зацепок, то верну тебе это досье, и на этом распрощаемся. *Comprende, hermano?*⁹

– *Comprende*. Я думаю, таким, как ты, жить непросто.

– Это каким?

– Не верящим в то, что человек может измениться, исправиться. Зэк для тебя навсегда только зэк.

Босх проигнорировал обвинение.

– «Таймс» пишет, что у твоего клиента нет алиби, – сказал он. – Что ты собираешься с этим делать?

– У него есть алиби. Он занимался живописью в своей студии. Правда, пока мы не можем это доказать. Но докажем. Обвинение говорит, что у него нет алиби, но они не нашли мотива. Он не был знаком с этой женщиной, никогда ее не видел и никогда не был не то что у нее в доме, но и вблизи него. С какой стати он стал бы ее убивать? Абсурд! Ему попытались пришить в качестве мотива бандитскую месть за то, что ее муж делал в Линвуде. Но как они могли пересечься, если Да'Куан входил в банду «Роллинг Крипс», а Гаррик возился с «Бладзами»? Не могло у него быть такого мотива.

– Да не нужен им мотив. В убийствах на сексуальной почве сам секс служит мотивом. Что ты собираешься делать с ДНК-уликой?

– Оспаривать ее.

– Ой, только не устраивай повторения той катавасии с делом Симпсона¹⁰. У тебя что, есть доказательства какой-либо подтасовки данных, подмены проб?

⁹ Понятно, братишка? (*исп.*)

¹⁰ *Дело Симпсона* – самое громкое судебное разбирательство в Америке 1990-х. Актер и футболист О. Джей Симпсон был обвинен в убийстве своей бывшей жены и ее друга. Основанием для обвинения был тест ДНК. Однако защите удалось доказать, что вследствие небрежной работы лаборантов результаты анализа недостоверны, и Симпсон был оправдан за недостаточностью улики.

– Пока нет.

– Что значит «пока нет»?

– Я подал судье ходатайство о проведении независимой экспертизы. Прокуратура возражала – якобы не сохранилось достаточного количества материала, – но это чушь, и судья подержал меня. Сейчас этим занимается независимая лаборатория.

– А когда будут результаты?

– На судебные препирательства ушло два месяца, так что я совсем недавно отдал им материал. Ответ может прийти в любой момент. Они, по крайней мере, работают быстрее, чем люди шерифа.

Босх воспринял сообщение Холлера скептически. Он полагал, что независимый анализ подтвердит результаты, полученные в управлении шерифа, а именно что ДНК принадлежит Да'Куану Фостеру. После этого останется только прибегнуть к традиционной тактике всех адвокатов – обработке свидетелей. Если свидетельские показания не устраивают защиту, надо любыми способами очернить и показания, и свидетеля.

– Независимо от их ответа, что ты сам думаешь по поводу ДНК твоего клиента? Как она могла попасть к убитой?

– Не представляю. Даже если независимая экспертиза подтвердит, что это его ДНК, я не верю, что он там был. Его подставили.

– Господи! – вздохнул Босх, покачав головой. – Ты же съел на этом больше собак, чем любой адвокат из всех, кого я знаю. Что за доводы «верю – не верю»?

– Вот как раз поэтому я своей интуиции и доверяю, – ответил Холлер, глядя Босху в глаза. – Ты крутился во всем этом не меньше моего и научился распознавать, кто врет тебе, а кто нет. У меня нет доказательств, но шестое чувство подсказывает, что здесь что-то не так, что это подстава и все было подстроено, а мой клиент тут ни при чем. Почему бы тебе не побеседовать с ним? Ты нутром почувешь правду.

– Сначала я хочу прочитать досье. Я должен знать все об этом деле, прежде чем буду говорить с Фостером. Если буду.

Босх добавил, что позвонит Холлеру. Тот кивнул, и, распрощавшись, они выехали с автостоянки через разные ворота. Ожидая зеленый свет на перекрестке, Босх взглянул на Энтони Куинна. Тот стоял, разведя руки в стороны, словно хотел показать, что ничего на себе не прячет.

– Вот и я так же, – пробормотал Босх.

Проехав по Третьей улице, он свернул направо по Бродвею и, миновав административный центр, попал в Чайна-таун. Найдя парковку, он зашел в ресторан «Китайские друзья» и заказал ланч. Время было довольно раннее, зал был пуст. Босх прихватил с собой полученное от Холлера досье и сел за угловой столик спиной к стене, чтобы никто не мог подойти сзади и поинтересоваться, что это такое он читает. Не дай бог, это отобьет у человека всякий аппетит.

Он сделал заказ, не заглянув в меню, снял с папки резиновую ленту и раскрыл досье. Более двух десятков лет он готовил пакеты документов для адвокатов, которые защищали арестованных им преступников, и отлично представлял себе, как можно запутать факты и навести тень на ясный день, чтобы сбить защиту с толку. Он мог бы написать учебное пособие по искусству превращения подобных досье в источник головной боли для адвокатов. В число трюков, регулярно применявшихся ранее и им самим, входило составление таких фраз, понять которые не было никакой возможности, или изъятие картриджа с тонером из принтера, так что становилось крайне затруднительно прочитать едва видимый на бумаге текст.

И вот теперь, вооруженный этим знанием, он должен был оценить полученный от Холлера отчет о проведенном расследовании. Опыт подсказывал ему, что прежде всего надо разложить документы в правильном порядке, ибо зачастую составители тасовали их, как колоду карт, или вкладывали в папку несколько не совпадавших друг с другом списков документов –

просто для того, чтобы досадить защитникам. Все страницы отчета нумеровались, и на каждой ставилась соответствующая дата, чтобы на судебном заседании адвокат и прокурор были уверены, что говорят об одном и том же документе. Босх же изменил последовательность страниц, сгруппировав бумаги в соответствии с собственной системой рассмотрения дела. Это не могло запутать Холлера в суде: если бы он захотел сослаться на тот или иной документ, ему надо было только назвать номер страницы.

Отчеты, составленные в департаменте шерифа, мало чем отличались от тех, что писал сам Босх в полицейском управлении, – разве что заголовками и номерами разделов. К тому моменту, когда ему подали свиную отбивную, Босх разложил бумаги в нужном ему порядке и поставил тарелку сбоку, чтобы не отвлекаться от работы во время еды.

На самом верху собранной им пачки лежал отчет о происшествии, который всегда идет первым после списка документов. В данном случае списка документов не было – еще один плевок в адрес защиты. Босх бегло просмотрел отчет, который вряд ли мог предложить что-либо ценное. В нем содержалось то, что бросалось в глаза при первом осмотре места преступления, и если даже все указывалось правильно, многое было упущено.

Отбивная была нарезана тонкими ломтиками, поджарена вместе с рисом и хрустела наподобие чипсов, так что Босх и подхватывал ломти пальцами, как чипсы. Вытерев руки бумажной салфеткой, он быстро просмотрел несколько маловажных отчетов, пока не дошел до раздела «Хронологический журнал». Это была библия всякого, кто раскрывает убийства. Здесь описывались действия всех, занятых в расследовании, и излагалась их версия преступления. На основании этого раздела Босх мог либо убедиться в виновности Фостера, либо почуять, подобно Микки Холлеру, что дело нечисто.

Когда детективы работают парами, у них, как правило, постепенно складывается система разделения труда. Обычно лишь один из них составляет отчеты и следит за регулярным пополнением досье необходимыми документами. Этот порядок не соблюдается при заполнении хронологического журнала. Оба детектива записывают в компьютерном файле все, что они принимают по данному делу. Время от времени их записи распечатывают и подшивают в папку или, как в данном случае, помещают в пакет документов, предназначенных для защитников. Но наиболее полное представление о деле дает файл, который все время меняется за счет добавления свежей информации.

Хронологический журнал, лежавший перед Босхом, содержал сто двадцать девять страниц и был заполнен сотрудниками управления шерифа Ласло Корнеллом и Тарой Шмидт. Хотя за годы работы Босху приходилось не раз встречаться по делам службы с людьми шерифа, этих детективов он не знал. Это вызвало досаду, так как оценить досье было бы легче, имея представление о характере и деловых качествах людей, писавших документы. Конечно, многое можно понять, читая их отчеты о своих действиях и умозаключения, и тем не менее Босху не хватало заочного контакта с ними. Он мог позвонить знакомым сотрудникам убийного отдела в управлении шерифа и расспросить их о Корнелле и Шмидт, но боялся, что те сочтут, будто он копает под них как представитель враждебного лагеря. Слух о его предательстве не только распространится по всему управлению шерифа, но и в считанные часы, если не минуты, достигнет УПЛА. А к этому он был не готов. Пока еще не готов.

На первых семидесяти пяти страницах был описан ход расследования до того, как тест ДНК вывел полицейских на Да'Куана Фостера. Тем не менее Босх внимательно прочел все записи, поскольку они раскрывали, какой версии преступления придерживались детективы первоначально, и показывали, насколько тщательно и целеустремленно они работали. Подробно излагались все детали всесторонней проверки возможной связи убийства с мужем Лекси Паркс. У него было железное алиби: в то время, когда убили его жену, он преследовал и арестовал угонщика автомобиля. Однако детективы учитывали, что он мог спланировать убийство и заказать выполнение его другому лицу, и даже факт изнасилования и жестокое избиение

жертвы не заставили полицейских полностью исключить такую возможность. Читая отчеты, Босх все больше проникался уважением к Корнеллу и Шмидт.

На ранних стадиях расследование шло по нескольким направлениям. Детективы допросили множество людей, живущих в районе Западного Голливуда и совершавших в прошлом половые преступления. Они изучили деятельность убитой и проверили, не было ли у нее личных врагов или тех, чьи интересы она ущемляла.

Но все эти усилия ничего не дали. В жизни Лекси Паркс, как и ее мужа, не просматривалось сколько-нибудь серьезных конфликтов, отвергнутых влюбленных или внебрачных связей. В качестве ассистента сити-менеджера она вникала в административные и политические проблемы довольно глубоко, но последнего слова ей почти никогда не предоставляли. Она вынесла решения лишь по нескольким вопросам, касавшимся бизнеса и не вызывавшим разногласий. А после того как были получены результаты теста ДНК, все кандидатуры, хотя бы отчасти подходящие на роль убийцы, но не совпадавшие с ним по ДНК, сразу отменялись.

Психологический профиль преступника, составленный отделом поведенческого анализа управления шерифа на основании изучения места преступления, побудил детективов искать мотивы убийства вне личной жизни и профессиональной деятельности Паркс. Бихевиористы из отдела поведенческого анализа заключили, что преступник был психопатом, пытавшимся с помощью убийства решить свои личностные проблемы.

«Ни больше ни меньше», – подумал Босх.

В заключении говорилось также, что убийца, скорее всего, не был лично знаком с Паркс, их пути случайно пересеклись в недавнем или отдаленном прошлом. Тот факт, что она была общественным деятелем и регулярно выступала на различных мероприятиях и в программах телеканала Западного Голливуда, существенно расширял круг подозреваемых. Возможно, преступник просто видел ее в какой-нибудь передаче. Они могли столкнуться где угодно.

Преступление казалось одновременно тщательно спланированным и вместе с тем совершенным безрассудно, так как убийца применил неоправданно жестокое насилие и не позаботился замести следы, содержавшие ДНК. Другие особенности убийства, учтенные при составлении профиля преступника, заключались, во-первых, в том, что жертва не была связана и, значит, убийце не требовалось проявлять большую силу, а во-вторых, в том, что лицо убитой со следами избитости было накрыто подушкой. Это позволяло предположить, что преступник испытывал угрызения совести.

Поскольку муж Паркс был полицейским, в доме были установлены охранные устройства: система сигнализации и дополнительные замки на дверях. Убийца пробрался в дом через окно кабинета, сняв защитный экран и взломав оконную щеколду. Видимо, Паркс, по своему обыкновению, не включила систему сигнализации, вопреки настоятельным просьбам мужа делать это, оставаясь дома в одиночестве во время его ночных дежурств.

Согласно составленному профилю, убийца был склонен к авантюризму и безжалостен в применении силы. В вечер перед убийством Лекси Паркс ездила в супермаркет «Павильонс» на бульваре Санта-Моника. В течение нескольких дней сыщики обследовали все камеры слежения в магазине и вокруг него в надежде обнаружить возможную встречу жертвы с убийцей. Паркс действительно встретила там нескольких знакомых. Все они были проверены, но подозрение со всех было снято после теста ДНК, проведенного с их согласия, или по другим причинам.

Таким образом, информация накапливалась, но для этого надо было потрудиться. Первые восемьдесят страниц хронологического раздела убедили Босха в том, что Ласло Корнелл и Тара Шмидт провели очень тщательное расследование, каким он и сам мог бы гордиться.

И все это оказалось ни к чему, когда на двадцать седьмой день расследования детективы получили из Калифорнийского отделения Министерства юстиции сообщение о том, что ДНК образца, посланного ими в национальную базу данных, совпадает с ДНК некоего Да'Куана Фостера, привлекавшегося некогда к суду.

До этого момента детективы никогда не слышали имени Да'Куана Фостера и решили, что позже встретятся с ним лицом к лицу, а пока взяли его под круглосуточное наблюдение, чтобы поймать на совершении каких-либо противоправных действий – например, угрожающих еще чьей-нибудь жизни – и использовать это при предъявлении обвинения. Одновременно собирались биографические сведения о Фостере. Вся эта работа велась в обстановке строгой секретности, чтобы ни слова не просочилось в прессу и не дошло до мужа Паркс.

Спустя одиннадцать дней после получения информации из базы данных штата оба детектива в сопровождении двух полицейских из отдела по борьбе с бандитизмом Южного бюро УПЛА явились в студию Фостера в Леймерт-Парке. Художник был там один и на предложение Корнелла и Шмидт проехать с ними в отдел по расследованию убийств ответил согласием.

* * *

Оторвавшись от чтения, Босх осознал, что проработал над документами весь час пик. На краю стола лежал чек на сумму в десять долларов, который он заметил только сейчас. Испытывая угрызения совести в связи с тем, что без пользы для заведения занимал столик в переполненном ресторане, он приложил к чеку тридцать долларов, собрал бумаги и вышел.

На ветровом стекле его «чероки» под «дворник» был подсунут штрафной талон за превышение времени парковки: он оплатил два часа стоянки, а просидел в ресторане два с половиной. Чертыхнувшись, Босх вытащил талон и положил его в карман. Когда он носил полицейский значок и водил служебную машину, у него не возникало проблем с парковкой. Это еще раз напомнило ему, что жизнь его за последние полгода изменилась. Даже когда он был внутри правоохранительной системы, он чувствовал себя аутсайдером. Теперь же стал аутсайдером на законных основаниях.

Ему не хотелось продолжать чтение досье у себя дома. У него было чувство, что делать это за тем же столом, где он так часто работал над делами Управления полиции Лос-Анджелеса, было бы чем-то вроде предательства. Сев за руль, он выехал по Третьей улице за пределы городского центра и Западного Голливуда. Прежде чем вернуться к документам, он хотел взглянуть на дом, где была убита Лекси Паркс. Было бы бесполезно оторваться на время от бумаг и увидеть вещественный элемент данного дела.

Дом Паркс находился на Орландо-стрит, в районе южнее Мелроуза, застроенном скромными одноэтажными домами. Остановившись на противоположной стороне улицы, Босх рассмотрел ту часть здания, которую не скрывала высокая живая изгородь. За аркой ворот виднелись подъездная аллея и входная дверь. Перед изгородью было вывешено объявление: «ПРОДАЕТСЯ». Босх подумал, что мужу Лекси Паркс будет трудно продать дом, где недавно было совершено зверское убийство. Правда, жить в доме, где убили твою жену, наверное, еще труднее.

Зазвонил телефон, и, глядя на стены, он ответил:

– Босх.

– Это я, – сказал Холлер. – Как дела?

– Дела идут.

– Ты все еще читаешь досье?

– Дошел примерно до середины.

– И?..

– И пока ничего. Надо дочитать.

– Я просто подумал, что ты мог бы уже...

– Слушай, Мик, не дави на меня. Я делаю то, что надо сделать. Если, прочитав все это, я решу двигаться дальше, то сообщу тебе об этом. Или брошу все и верну досье.

– Ну хорошо, хорошо.

– Я позвоню.

Босх прервал соединение и продолжил изучение дома. К ящику для растений, стоявшему у входных дверей, было прикреплено предупреждение: «ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ СОБАКА». В прочитанной им половине досье ничего не говорилось о собаке. Он задумался, барабанил пальцами по рулю. Если бы у Паркс и ее мужа действительно была собака, это упомянули бы с самого начала. Домашние любимцы всегда оставляют следы своего пребывания в жилище, и любое расследование принимает это во внимание. Очевидно, на самом деле собаки не было, и объявление служило лишь средством устрашения. Если у вас нет собаки, притворитесь хотя бы, что она есть. Вопрос был в том, знал ли об этом убийца. И если знал, то откуда?

Босх тронулся с места и поехал по Орландо обратно. На бульваре Санта-Моника он повернул к востоку, в сторону своего дома, но в районе Фэрфакс притормозил у кофейни «Старбакс». Заплатив на этот раз за четырехчасовую стоянку, он с досье под мышкой направился внутрь.

Взяв стакан с дымящимся кофе, он прошел в дальний угол за круглый столик. Тот был слишком мал, чтобы раскладывать на нем бумаги, поэтому Босх достал только распечатку хронологического журнала. Прежде чем продолжить чтение, он вытащил из кармана рубашки ручку и написал на клапане папки лишь одно слово: «Собака?»

Его заключение относительно собаки надо было проверить. Он вывел это слово почти бессознательно, как ответ на вопрос, возникший у него во время наблюдения за домом. Написав же его, Босх подумал, что это незначительное действие является, по сути, весомым шагом к решению взяться за данное дело. Но прежде он должен был спросить самого себя: настолько ли ему надоело болтаться неприкаянным, что он готов переступить черту и работать на человека, обвиняемого в убийстве? Ибо именно так фактически и будет, если он согласится на предложение брата. Холлер был уважаемым адвокатом, но его клиент был заключен в тюрьму как преступник, виновный в изнасиловании, избиении и убийстве женщины.

Босх почувствовал страх, что ему придется испытать унижение. Вспомнились другие полицейские, вышедшие на пенсию и согласившиеся работать на адвокатов или даже в Управлении государственных защитников. Он сам в свое время, узнав, что кто-то из его коллег решился на такое, прерывал отношения с ним, словно тот был преступником.

А теперь...

Он глотнул обжигающего кофе, постарался прогнать неприятные мысли и принялся читать досье дальше.

Из студии Корнелл и Шмидт повезли художника в Линвуд-стейшн, где занимали кабинет в сыском бюро. Допрос длился недолго и был полностью запотоколирован в хронологическом журнале. Стоило им задать Фостеру несколько вопросов, как он понял, что вляпался в очень нехорошую историю, и потребовал в адвокаты Микки Холлера.

Детективы не сообщили Фостеру о том, что его ДНК была обнаружена на месте преступления. Они пытались выманить у него признание с налета, но попытка не удалась. Корнелл прежде всего зачитал Фостеру его конституционные права – верный способ напугать даже такого допрашиваемого, который охотно дает показания.

* * *

Корнелл. Итак, мистер Фостер, вы не против побеседовать с нами, ответить на некоторые вопросы, прояснить кое-какие детали?

Фостер. Я в принципе не против, но о чем вы хотите беседовать? В чем вы меня подозреваете?

Корнелл. Мы хотим поговорить о Лекси Паркс. Вы ведь знаете ее?

Фостер. Имя звучит знакомо, но не скажу почему. Может, она купила у меня какую-нибудь картину или это мать кого-то из детей, которые занимаются у меня в студии?

Корнелл. Нет, сэр, Лекси Паркс не покупала у вас картин. Это женщина из Западного Голливуда. Вы помните, как были у нее дома?

Фостер. В Западном Голливуде? Нет, я не был там.

Корнелл. А как насчет Винса Гаррика? Его вы знаете?

Фостер. Нет, не знаю. Кто это?

Корнелл. Это муж Лекси Паркс, помощник шерифа. Вы встречались с ним, когда он работал в этом бюро?

Фостер. Да не знаю я его. Я вообще никогда здесь не был до сих пор.

Шмидт. Мистер Фостер, скажите, где вы провели ночь с восьмого на девятое февраля этого года? Где вы были в ту ночь с субботы на воскресенье?

Фостер. Откуда мне знать? Это было почти два месяца назад. Я могу только сказать, что все вечера я либо провожу с семьей и укладываю детей спать, либо работаю у себя в студии. Часто я задерживаюсь там допоздна, чтобы что-то закончить. Я никого ничему не учу так поздно, а пишу свои картины. Люди делают мне заказы и платят за них, так что приходится работать. Вечером я либо дома, либо в студии, больше нигде. Я знаю свои права и вижу, что вы что-то задумали, поэтому мне, наверное, нужен адвокат. Я хочу, чтобы меня защищал Микки Холлер, но в чем тут дело – не представляю.

Корнелл. Тогда давайте протоколируем все с самого начала. Скажите, почему вы выбрали Лекси Паркс?

Фостер. Для чего выбрал? Я не знаю ее и не представляю, о чем вы говорите.

Корнелл. Ну как же, вы ведь убили ее? Избили до смерти и затем изнасиловали.

Фостер. Да вы свихнулись! Нет, вы действительно не в себе. Я требую этого чертова адвоката. Немедленно.

Корнелл. Ну да, ничего другого мы от тебя и не ожидали, козел. Адвокат уже летит сюда во всю прыть.

Шмидт. Не лучше ли вам сразу чистосердечно признаться, пока есть время? Если вы втянете в это дело адвоката, мы уже ничем не сможем помочь вам.

Фостер. Я требую моего долбаного адвоката.

Шмидт. Вы получите его. Но он не может объяснить, почему мы нашли вашу ДНК у Лекси Паркс. Только вы знаете это.

Фостер. Какую ДНК?! Господи, да что происходит? Что вы... Да вы просто запугиваете меня! Я никого не убивал. Я требую адвоката, а вам я больше ничего не скажу.

Корнелл. В таком случае встаньте, сэр. Вы арестованы по обвинению в убийстве Лекси Паркс.

Конец протокола.

* * *

Босх дважды прочитал этот протокол и подумал, что надо бы попросить Холлера достать видеозапись. Кабинет почти наверняка был оснащен видеокамерой. Если он займется этим делом, то ему понадобится увидеть жесты и мимику Фостера, услышать, как он говорит. Это даст ему гораздо больше, чем распечатка. Однако уже из текста протокола было ясно, что Фостер никак не ожидал подобных вопросов о Лекси Паркс. В его словах звучало неподдельное удивление, за которым последовала паника. Правда, Босх понимал, что это ничего не значит. Убийства на сексуальной почве совершаются обычно психопатами, которые, как правило, обладают врожденной способностью лгать и в случае необходимости прикидываться удивленными и напуганными. Психопаты – большие притворщики.

Он обратил внимание на одно из высказываний Корнелла. Детектив обвинил Фостера в том, что тот избил Лекси Паркс до смерти и затем изнасиловал ее. Босх еще не знакомился с результатами аутопсии и впервые столкнулся с предположением, что изнасилование было совершено *post mortem*¹¹. Если Корнелл сказал это на основании обнаруженных следствием фактов, то это существенно меняло психологическую картину преступления.

Далее в досье описывались попытки Корнелла и Шмидт найти связь между Да'Куаном Фостером и Лекси Паркс. Либо убийство было связано с работой Гаррика и продиктовано желанием отомстить, либо все произошло в результате случайной встречи преступника и его жертвы, что больше соответствовало характеру преступления. Но все попытки сыщиков ни к чему не привели. Как заявил на допросе Фостер, он никогда прежде не был в бюро Линвуд-стейшн, где Винсент Гаррик работал пять лет назад. Никаких фактов, опровергающих это заявление, Корнеллу и Шмидт найти не удалось, да и странно было бы со стороны члена банды «Роллинг Крипс», хозяйничавшей в Леймерт-Парке, отправляться с преступными намерениями в расположенный гораздо восточнее Линвуд. Его территория принадлежала «Бладзам», и такие выходки были бы грубым нарушением законов криминального мира.

Корнелл и Шмидт вели поиски в двух разных направлениях: он изучал прошлое Фостера, выискивая его связь с Гарриком и районом Линвуд в целом, а она сосредоточилась на сексуально-психологической версии преступления. Задача Шмидт была труднее, так как по данной версии все зависело от случайной встречи Паркс и Фостера. Лекси, к своему несчастью, просто попала на глаза сексуально озабоченному садисту, высматривавшему жертву. К этому времени Босх уже достаточно хорошо познакомился с данным делом, чтобы убедиться подобно двум детективам, что убийца действовал не спонтанно. Все указывало на то, что он выследил женщину и спланировал преступление. На эту мысль Босха навело вывешенное предупреждение о злой собаке. Сыщики удостоверились, что собаки в доме нет, и убийца, похоже, знал это, а значит, заранее присматривался к дому. Такие факты, как отключенная сигнализация и отсутствие мужа, работавшего в ночную смену, также подтверждали это предположение.

Шмидт скрупулезно проследила за всеми действиями Лекси Паркс в последние шесть недель ее жизни, стремясь определить, где жертва и Фостер могли пересечься. Она потратила несколько сотен часов на просмотр видеозаписей камер наблюдения, встречавшихся на пути Паркс, но Фостера ни на одной из них не заметила. Босх знал, что на этом этапе расследование может пойти в ошибочном направлении. Подозреваемый находился под стражей; на руках у сыщиков имелись совершенно определенные результаты теста ДНК. Другие сочли бы, что это верняк и дело завершено. Но Корнелл и Шмидт на этом не успокоились. Они искали дополнительную информацию, однако двигались вперед, словно в туннеле, – поле их зрения сузилось, они видели только одну цель впереди.

«Может быть, Шмидт все же присматривалась к другим лицам на видео, когда искала Фостера?» – подумал Босх.

Он сделал запись на папке: не забыть попросить Холлера добиться доступа ко всем видеозаписям, собранным Тарой Шмидт.

В хронологическом журнале вскользь упоминался еще один свидетель, допрошенный Корнеллом и обозначенный аббревиатурой СА, которую Босх расшифровал как «свидетель по алиби». Подобные аббревиатуры часто использовались, чтобы обезопасить тех, кому не был присвоен статус конфиденциального информатора. СА мог подтвердить алиби подозреваемого или опровергнуть его. Корнелл сделал запись, что встретился с СА спустя неделю после ареста Фостера и что их беседа длилась один час.

Босх бегло просмотрел оставшиеся страницы раздела и не нашел там ничего примечательного, кроме записей о завершении дела и о подготовке к слушанию в суде. Хотя фактов,

¹¹ Посмертно (*лат.*).

связывающих Лекси Паркс с Фостером, установить не удалось, ДНК подозреваемого, обнаруженная на месте преступления, всегда (за исключением дела О. Дж. Симпсона за двадцать лет до этого) считается достаточной уликой для выдвижения официального обвинения. Корнелл, Шмидт и назначенный прокурор были во всеоружии и твердо стояли на ногах. В апреле состоялось предварительное слушание дела, теперь они ждали судебного разбирательства.

Обвинителем была женщина, что всегда является преимуществом при разборе преступлений на сексуальной почве. Звали ее Эллен Таскер. Босху приходилось сотрудничать с ней по нескольким делам. Она была толковым прокурором и вполне оправдывала свою фамилию¹², если дело было грамотно подготовлено. В окружной прокуратуре она прослужила много лет, не участвуя во внутренних раздорах и стараясь лишь добросовестно выполнять свою работу. И это получалось у нее очень хорошо. Босх не помнил, чтобы Таскер проиграла хоть одно дело.

Чтобы двигаться дальше, надо было позвонить Холлеру.

– Ты говорил, что у твоего клиента есть алиби, но ты не можешь доказать это.

– Верно. Он занимался живописью в своей студии. Работал всю ночь, но свидетелей, которые могли бы подтвердить это, не нашлось.

– У него был сотовый телефон?

– Нет. В студии обычная телефонная связь. А почему ты спрашиваешь?

– В досье есть запись, что сыщики встречались со свидетелем по алиби. Ты что-нибудь знаешь об этом?

– Нет. Если они нашли человека, подтверждающего алиби ДК, они должны вызвать его в суд.

– Что такое ДК?

– Да'Куан. Он подписывает свои работы этими инициалами. Кстати, знаешь, как он платит мне? Картинами. Если мы выиграем процесс, цена их, я думаю, подскочит.

Вопрос о том, как Да'Куан расплачивается с Холлером, не интересовал Босха.

– Слушай, я же не сказал, что свидетель подтверждает его алиби, – может быть, как раз наоборот. Просто в хронологическом журнале есть краткая запись об этом, и я хотел узнать, в курсе ты или нет.

– Нет, такое мне не попадалось.

– Запись очень лаконичная, вызванный человек обозначен аббревиатурой. Подозреваю, что это не случайно. Надо покопаться в свидетельских показаниях – может, там что-нибудь найдется.

– Если не найдется, тем хуже для них. Нарушение порядка представления документов.

– Я позвоню тебе в любом случае.

Закончив разговор, Босх подумал, что с Холлером надо быть осторожнее и не выкладывать ему сразу все свои открытия, которые тот может использовать в качестве оружия в суде, потянув в бой и Босха.

Среди распечатанных с компьютера материалов он нашел подборку свидетельских показаний. Прежде всего его заинтересовали резюме, кем являются эти люди и о чем они рассказывают. Подавляющее большинство ответов и комментариев было получено от друзей или сотрудников Лекси Паркс, а также от тех, с кем она имела дело в ходе работы. Детективы опросили ее мужа и других помощников шерифа, познакомившихся с Лекси через него. Среди свидетелей, давших показания о Да'Куане Фостере, было много полицейских, которые знали его в прошлом как члена банды «Роллинг Крипс», а также служебных лиц, принимавших участие в его досрочном освобождении. Другими опрошенными были соседи Фостера, знакомые с ним торговцы и его жена Марта.

¹² Фамилия происходит от глагола to task – взять в оборот, задать перцу (англ.).

Босх нашел то, что искал, в разделе, где свидетельские показания были сгруппированы попарно. Это был известный трюк, позволявший замаскировать в массе документов информацию, которую хотели утаить от защитников. Правила представления официальных бумаг при этом не нарушались, но выяснение того или иного важного для защиты факта превращалось в поиск иголки в стоге сена. В первой половине одного из таких двойных отчетов были изложены в обобщенном виде показания соседа Фостера о том, что в ночь убийства он не видел машины художника перед его домом. В этом не было ничего подозрительного, так как и сам Фостер говорил, что провел эту ночь не дома, а в студии.

Но строчкой ниже показаний соседа была запись о заявлении некоего М. Уайта, утверждавшего, что он приезжал в ту ночь к студии Фостера, чтобы что-то обсудить с ним, но не застал его там. Больше никакой информации об этом в отчете не содержалось, но факт оставался фактом: Корнелл и Шмидт нашли свидетеля, опровергавшего алиби художника.

Босх решил, что «М. Уайт» вряд ли подлинное имя, которое детективы пожелали скрыть, а скорее, указывает на пол и расовую принадлежность¹³. Но это его не беспокоило. Холлеру достаточно будет сделать в суде заявление о неполной информации в досье, подготовленном обвинением, и сотрудникам управления шерифа придется раскрыть, кем на самом деле является М. Уайт. Это были известные игры, Босх и сам не раз участвовал в них, будучи полицейским. Плохо было то, что к улике в виде ДНК теперь прибавились показания, ставившие под сомнение алиби Фостера.

У Босха возникло желание бросить досье и не возвращаться к нему никогда.

Он задумался об этом, допив кофе, снял очки для чтения, чтобы дать глазам отдых, и стал смотреть на оживленный перекресток Фэрфакс-авеню и бульвара Санта-Моника. Он еще не изучал результаты вскрытия тела и не видел снимков, сделанных на месте преступления, а потому не представлял его полной картины. Фотографии он оставил на самый конец, как слишком тяжелое занятие; к тому же рассматривать их в публичном месте он не рискнул бы.

Неожиданно перед его взором возникло знакомое лицо. С задней стенки автобуса, проезжавшего через перекресток, ему улыбался не кто иной, как Микки Холлер. Сопутствующий рекламный лозунг еще больше усилил желание Босха швырнуть папку в урну.

РАЗУМНЫЙ ВЫБОР ЗА РАЗУМНУЮ ПЛАТУ.

ПОЗВОНИ АДВОКАТУ С «ЛИНКОЛЬНОМ».

Босх встал, выбросил стакан в мусорный бак и покинул заведение.

¹³ White – белый (англ.).

7

Придя домой, Босх прицельно взглянул на пустой обеденный стол и подумал, что было бы неплохо разложить на нем фотографии из папки и рассмотреть их. Но в любой момент могла вернуться дочь, и ему не хотелось, чтобы ей сразу бросилось в глаза столь мрачное зрелище. Он прошел в свою спальню, расправил покрывало на постели и стал выкладывать на него карточки размером восемь на десять дюймов.

Это была пачка снимков, сделанных в доме Лекси Паркс под разными углами и с разного расстояния. Они демонстрировали мертвое тело на фоне комнаты или фиксировали отдельные его части и нанесенные увечья. Во множестве были запечатлены и другие помещения; ими Босх собирался заняться во вторую очередь.

Снимки места преступления лежали на постели довольно жутким ковром. Убийство было совершено с неоправданной жестокостью, которая даже на фотографиях производила угнетающее впечатление своей безжалостной прямоотой. Босху было знакомо это ощущение. Полицейских фотографов не заботили приемы художественной выразительности, они непреклонно стремились отразить реальность в неприукрашенном виде.

Разложив карточки рядами по восемь штук вдоль кровати и восемь поперек, Босх задумчиво обозревал полученную мозаику. Достав увеличительное стекло из ящика туалетного столика, он стал брать снимок за снимком и внимательно разглядывать детали.

Это было тягостное занятие. Он так и не привык к виду убитых людей, хотя наблюдал эти примеры человеческой бесчеловечности бесчисленное количество раз. Ему всегда казалось, что, привыкнув к этому, он потеряет какое-то внутреннее качество, необходимое для того, чтобы выполнять работу как полагается. Преступление должно вызвать эмоциональную реакцию, высечь искру, из которой разгорится пламя бескомпромиссной твердости.

В данном случае искру высекли руки Лекси Паркс. Она, очевидно, пыталась оказать сопротивление нападавшему и выставила их вперед, но быстро потеряла силы из-за ударов по лицу. Руки упали у нее над головой ладонями вверх, словно она сдалась на милость врагу. Это пробуждало в Босхе жалость, гнев и желание найти преступника, отомстить за содеянное.

И как только Холлер может защищать человека, совершившего это?

Гарри взял стакан и наполнил его в ванной водой из-под крана. Стоя на пороге спальни, он пил нервными глотками и, глядя на фотографии со стороны, старался успокоиться, чтобы без лишних эмоций изучить их и представить себе сцену убийства.

Подойдя к постели, он стал снова внимательно рассматривать снимки, и вскоре это навело его на определенные выводы. Босх решил, что убийца напал на Паркс, когда она спала на правой стороне кровати, оставив слева, как всегда, место для мужа. Преступник оседлал ее, так что она с самого начала оказалась в его власти. Возможно, он одной рукой закрыл женщине рот, а в другой держал пистолет, угрожая ей. Она пыталась отбиваться от убийцы, но он стал колотить ее по лицу.

И даже после того, как она потеряла всякую способность сопротивляться, он продолжал избивать ее каким-то тяжелым предметом. Лицо жертвы на этих фотографиях было совершенно не похоже на то, которое Босх видел в газетах на прижизненных снимках Лекси Паркс; оно было даже не похоже на человеческое лицо. Носа практически не осталось, он был погребен в кровавой массе разможенных лицевых тканей. Глазницы тоже были раздроблены; полуприкрытые веками глаза потеряли нормальную ориентацию: один смотрел вперед, другой влево и вниз. Среди всего этого месива виднелись белые осколки костей и разбитые зубы.

Босх отошел от кровати и сел в кресло в углу комнаты, чувствуя себя отвратительно. Непосредственно на месте преступления было бы, конечно, еще хуже, там включились бы все

пять чувств. Трупы, помимо всего прочего, не могут приятно пахнуть даже в самой чистой обстановке, на самом свежем воздухе.

На фотографии, запечатлевшей женщину во весь рост, Босх заметил какие-то пятна на левом запястье. Он взял лупу и увидел, что это следы, оставленные либо тяжелым браслетом, либо, что вероятнее, часами.

В сообщениях и отчетах сыщиков ничего не говорилось об ограблении как возможном мотиве убийства, и потому отсутствие часов заинтересовало Гарри. Были ли часы на руке женщины, когда на нее напали, или она сняла их перед сном? Может быть, она потеряла их во время борьбы? Или же убийца снял их и взял с собой в качестве сувенира?

Босх осмотрел прикроватный столик. На нем были бутылка с водой, флакон с лекарством и роман в мягкой обложке. Часов не было. Он прочитал еще раз содержавшийся в досье список имевшихся в доме вещей. Там перечислялось в основном то, что было на месте преступления, а также предметы, которые привлекли внимание криминалистов. Часы не упоминались. Они не были просто потеряны во время борьбы: их не нашли ни в кровати, ни на полу, ни где-либо еще.

Тогда Босх вернулся к хронологическому журналу детективов, чтобы проверить, не пропустил ли он упоминание о часах на ранней стадии расследования, когда еще не всплыло имя Да'Куана Фостера. Нет, о часах там ничего не говорилось. Он сделал еще одну пометку на обложке папки.

Собрав все фотографии с постели, Гарри отложил их в сторону, чтобы случайно не шокировать этим зрелищем дочь, и обратился к следующей группе снимков. На них были другие помещения дома, которые криминалисты вряд ли бы отсняли без особого распоряжения ведущих дело детективов. Еще одно свидетельство добросовестного отношения Корнелла и Шмидт к своим обязанностям.

Поскольку каждая комната была отражена на нескольких кадрах, просмотр их занял у Босха больше часа. Все указывало на то, что в доме живет бездетная семья, муж и жена работают и ведут активный образ жизни, но находят время содержать дом в порядке. В одной из трех спален был устроен маленький спортзал, другая служила кабинетом. В гараже на один автомобиль хранились велосипеды, доски для серфинга и туристическое оснащение. Места для машины не оставалось.

Особое внимание Босх уделил кабинету. Похоже было на то, что его использовала в основном Лекси Паркс. Безделушки и сувениры на столе и на полках книжного шкафа были, по-видимому, приобретены за годы ее муниципальной службы. Среди них имелось пресс-папье, подаренное Ротари-клубом Западного Голливуда и почетные грамоты, выданные различными группами геев и лесбиянок в благодарность за то, что она помогала получить разрешение на проведение ежегодных гей-парадов, привлекавших участников и зрителей со всего света. На стене рядом с письменным столом висел помещенный в рамку диплом Университета Пеппердайна, выданный на имя Александры Эббот Паркс. К рамке были прикреплены бирки с именем Паркс, указывавшие на различные аспекты ее профессиональной деятельности. Расследование осложнялось тем, что Паркс, будучи социальным работником, имела очень широкий круг общения, и трудно было установить, где именно она могла столкнуться с будущим убийцей – возможно, совсем не Фостером.

Босх обратил внимание на одну из бирок, отличавшуюся от других. Это был красный с белым жетон, которые выдают во время суда присяжным заседателям. На нем, в соответствии с законом об анонимности присяжных, был только штрихкод – ни имени, ни судебного процесса, ни даты.

Жетон присяжного озадачил Босха больше, чем что-либо, увиденное им ранее. Нигде в досье не говорилось о расследовании, проводимом в этом направлении. Хотя Босх сознавал, что решения при дознании принимаются субъективно, оставляя возможность выдвижения

новых версий адвокатами, судьями или присяжными, в данном случае замалчивание этих сведений представлялось ему либо намеренным, либо допущенным по недосмотру. Если Лекси Паркс участвовала в заседании уголовного суда, это был слишком важный факт, чтобы игнорировать его. Там она могла столкнуться со множеством подсудимых и осужденных преступников. В таких делах об убийстве, когда выбор жертвы случаен, необходимо найти точку, где пути жертвы и убийцы пересеклись.

Интересно, подумал Босх, пропустили ли Ласло Корнелл и Тара Шмидт этот факт по невнимательности или же сознательно умолчали о нем, чтобы затруднить работу адвоката?

Он решил продумать эту мысль позже и стал рассматривать оставшиеся фотографии.

Два стеновых шкафа, стоявших в кабинете, были сфотографированы под разными углами. Один был набит летними женскими платьями и блузками на вешалках и коробками с обувью. Очевидно, Лекси Паркс убрала их в шкаф, так как в феврале, когда ее убили, эта одежда была не по сезону.

Во втором хранились картонки из-под компьютеров, принтеров и другой бытовой техники. На верхней полке Босх заметил маленькую квадратную шкатулку из материала, похожего на коричневую кожу. На шкатулке не было фабричной марки или товарного знака, но выглядела она как подходящее местечко для часов. Босх рассмотрел обнаруженный ларчик через увеличительное стекло. Невозможно было сказать, содержалось ли что-нибудь внутри в момент съемки и предназначалась ли шкатулка для мужских или женских часов, хотя коричневая кожа говорила о том, что скорее для мужских.

Гарри услышал, как открывается входная дверь, – пришла дочь. Он стал собирать фотографии, и в этот момент Мэдди окликнула его.

– Я у себя в комнате, – отозвался он. – Сейчас выйду.

Сложив все снимки на письменном столе, он взял телефон и набрал номер Микки Холлера. Тот сразу ответил, и по доносящимся до Босха звукам было ясно, что адвокат находится в своем «линкольне».

– Я готов поговорить о деле, – сказал Босх.

8

Они встретились в баре ресторана «Массос» и заказали две порции водки с мартини. Время было относительно раннее, и найти свободные табуреты не представляло трудностей. Босх не хотел приносить в бар всю кипу документов, чтобы не привлекать к себе внимания, и взял лишь папку со своими пометками.

Холлер был в элегантном костюме, предназначенном для выступлений в суде, но без галстука. Заметив пустую папку, которую Босх выложил на стойку, он сказал:

– Я вижу, ты не возвращаешь мне документы. Это хороший знак.

– Пока не возвращаю, – отозвался Босх.

– И о чем же ты хочешь поговорить?

– Я готов встретиться с твоим клиентом. Можешь это устроить?

– Проще всего пойти туда вместе утром. Визит адвоката к клиенту в сопровождении сыщика. Обычное дело, не требующее лишних хлопот. У тебя нет никаких проблем в связи с этим?

– Мне нужно будет показывать удостоверение частного детектива? – спросил Босх, подумав. – Я получил его лет двенадцать назад, но срок действия истек.

– Обойдемся. Я подготовлю свидетельство, что ты работаешь на меня и Денниса Войцеховского, частного сыщика с лицензией.

– Кто такой этот Вой-как-ты-там-его-назвал?

– Сиско, мой сыщик.

– Теперь я понимаю, почему все предпочитают называть его Сиско.

– И еще по-разному. Завтра утром я свободен, а после ланча у меня сразу два дела в уголовном суде. А что у тебя?

– У меня ничего.

– Тогда давай встретимся в девять у окошка для адвокатов.

Босх молча кивнул.

– Так что ты накопал? – спросил Холлер.

Гарри пододвинул к нему папку со своими пометками.

– Сами по себе эти факты еще ни о чем не говорят. Но следователям надо было проверить их. А может быть, они проверили, но мы просто об этом не знаем.

– То есть утаили от нас, – сердито буркнул Холлер.

– Не кипятись. Мы не в суде, и тут не перед кем разыгрывать негодование. Я не утверждаю, что они что-то утаили. Просто я заметил несколько любопытных моментов – не относящихся к твоему клиенту. Их надо было бы расследовать. Неизвестно, сделали это сыщики или нет. А может быть...

– Что?

– Может быть, им надоело копаться в этом деле. У них есть ДНК-улика, есть свидетель, опровергающий алиби твоего клиента, и этого в большинстве случаев вполне достаточно. Или же они не хотели раскрывать все карты до суда.

Холлер наклонился к Босху:

– Расскажи мне об этой их уловке с опровержением алиби. Этот свидетель – женщина?

– Нет, скорее белый мужчина, потому что они называют его М. Уайт. Думаю, они скрывают его имя и прячут его самого, чтобы оглушить тебя во время процесса. Этот тип заявил, что ездил в студию Фостера той ночью, чтобы повидаться с ним, но художника там не нашел. Вот поэтому я и хочу встретиться с Фостером – посмотреть, не врет ли он.

– «Если врете, вы в полете» – так я говорю всем моим клиентам. Если он врет, я бросаю это дело.

Холлер вылил в стакан остатки водки из своего шейкера, взболтал коктейль, достал оливку и съел ее.

– Обед, – сказал он. – Как насчет повторить?

– Нет, – покачал головой Босх, – мне надо идти. Мэдди сегодня дома, я хочу побыть с ней, пока она не уехала.

– Куда?

– У них в школе «последний сбор» перед выпуском – ну, знаешь. Едут на озеро Биг-Бэр, разбивают там лагерь, общаются, говорят о будущем и так далее. Сейчас я стараюсь как можно больше бывать дома. К тому же мне надо подготовиться к завтрашней встрече, почитать еще раз кое-что.

– Хм, ты принял окончательное решение? Обвинение справедливо?

– Не совсем так. Скорее всего, справедливо, но в деле остались невыясненные моменты, с которыми надо разобраться. Не хотелось бы вмешиваться со своими домыслами, но невольно замечаешь все упущения.

– И раз уж заметил, то закрыть на них глаза не можешь.

– Ну да.

– В чем главное упущение обвинителей?

– На данный момент?

– Исходя из того, что ты прочитал.

Босх глотнул водки, думая, как сформулировать ответ.

– Несоответствие, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Несоответствие возможности и мотива. Согласно тесту ДНК, твой клиент был в доме Паркс в момент убийства. Но что ему там понадобилось? Паркс активно участвовала в общественной жизни, бывала на заседаниях в мэрии, на собраниях городского совета и прочих мероприятиях. Детективы пишут, что просмотрели видеозаписи, сделанные в течение нескольких сотен часов, и ни разу Фостер не появлялся там, где была Паркс.

Холлер кивнул, прикидывая, как это можно использовать на суде.

– Возьмем также место преступления, – продолжал Босх. – Копы составили профиль убийцы, и психологического дерьма там выше крыши. Но как связать это с Фостером? Он был в юности членом банды «Роллинг Крипс» в южном Эл-Эй, но даже тогда не числился в насильниках, а затем вернулся к нормальной жизни.

– Это мне пригодится, – сказал Холлер. – Все, что ты говоришь. Я разнесу их по кочкам.

– Но учти: эти нюансы не устраивают лично меня, что вовсе не означает, будто они не устроят присяжных или судью. Как я уже сказал, мне кажется, это все-таки дело рук твоего клиента. Я просто сообщаю сейчас то, что вызвало у меня вопросы. И один вопрос я хочу задать тебе.

– Валяй.

– Характеристика ДНК Фостера хранится в банке данных штата с тех пор, как его арестовали в связи с изнасилованием, но затем отпустили, так?

– Отпустили, потому что это была чушь.

– Расскажи мне об этом.

– Тогда замели целую кучу народа. Девушку накачали наркотой и насиловали двое суток в одном из домов нелегалов. Подонок, совершивший это, сделал ей наколку: «Собственность „Роллинг Крипс“». В конце концов ей удалось сбежать и поднять на ноги полицию. Схватили всех «крипсов», каких знали. Для Фостера все обошлось, так как он был ни при чем.

– Тем не менее досадный факт. Он всплывет на суде?

– Может не всплыть, если я прослежу за этим. Прямой связи с данным делом нет, обстоятельства совсем иные.

Босх кивнул и опять подумал, стоит ли ему ввязываться в это дело.

– Итак, встречаемся с клиентом завтра, – сказал Холлер. – Что-нибудь еще от меня нужно?

Босх допил водку, но новую порцию готовить не стал – не хотел заявиться домой в подпитии. Его дочь следила за этим строже любой супруги.

– Если только после завтрашнего разговора я соглашусь работать с тобой, попроси судью обеспечить тебе доступ ко всем видеозаписям, просмотренным детективами. Они искали на них Да'Куана, но ведь и кто-то другой мог повторно появляться там, где была Лекси Паркс.

– Точно! – Холлер выставил в сторону Босха указательный палец. – Совершенно другая версия преступления и другой преступник. Замечательно.

– Ничего особенно замечательного. Пока, по крайней мере. И должен предупредить, я не собираюсь завтра гладить твоего клиента по головке. Он обвиняется в убийстве, и я буду говорить с ним как с обвиняемым. Не исключено, что после этого он не захочет, чтобы я работал на тебя и на него.

Босх подтолкнул свой стакан к бармену и слез с табурета. Увидев, что какая-то женщина ищет свободное место у стойки, он сделал ей знак рукой.

– Значит, увидимся в девять, – сказал он Холлеру. – Не проспй.

– Не волнуйся, приду, – заверил адвокат.

9

Эллис и Лонг вели наблюдение, припарковав автомобиль у тротуара на Лас-Пальмас к западу от автостоянки на задах ресторана «Массос». Они хранили молчание, привыкнув с годами сидеть так и следить за людьми. Лонг перед этим заглянул в ресторан и увидел, что адвокат беседует в дальнем конце бара с каким-то человеком.

Когда тот незнакомец подошел к будке охранника, Лонг сразу встрепенулся, выпрямившись на сиденье, и сказал:

– Это он – тот тип, с которым говорил Холлер.

– Уверен? – спросил Эллис и, подняв к глазам бинокль, рассмотрел незнакомца.

– Уверен, – ответил Лонг, – так что на всякий случай пойди лучше тебе.

Он имел в виду тот случай, если мужчина заметил его на автостоянке раньше. Однако это была другая ситуация.

Эллис положил бинокль на приборный щиток и вылез из машины. Лонг пересел на водительское место – тоже как бы на всякий случай.

Войдя на территорию парковки, Эллис спрятался между двумя автомобилями, делая вид, что только что приехал на одном из них. Когда незнакомец взял ключи у охранника и направился к своей машине, Эллис покинул укрытие и пошел, держа руки в карманах, навстречу ему. Он отметил, что у мужчины шапка седых волос, стройная фигура и он чисто выбрит. На вид ему было лет пятьдесят с небольшим, но, возможно, он был одним из тех парней, которые выглядят моложе своего возраста.

Не дойдя до Эллиса, незнакомец свернул к джипу «чероки» и стал отпирать дверцу. Взглянув мимоходом на номерной знак, Эллис, не сворачивая, прошествовал к ступенькам перед задним входом в «Массос» и нажал условный номер телефона Лонга. Он сообщил напарнику марку и номер автомобиля Босха и сказал, что зайдет в ресторан проверить, что делает адвокат.

– Мне сесть на хвост джипу? – спросил Лонг.

Эллис задумался. В принципе, ему не нравилась идея разделения сил. Но если этот тип участвовал в игре, то жалко было упускать возможность.

– Не знаю... – протянул он. – А ты как думаешь?

– Пойди закажи пива, – сказал Лонг. – Ну а я посмотрю, куда этот охламон двинется.

– Да уж вряд ли уедет далеко на своей колыхаге.

– Ага, этот «чероки» годится разве что для любителей старины.

– Я ж говорю: колыхага.

– Ха, загляни в крейгслист¹⁴: десять штук за исправную тачку. И ничего, если она нака- тала двести тысяч миль?

– Ладно, накачала не накачала, я зайду в ресторан. Холлер, кажется, сидит в баре?

– Ага. Никаких имен?

– Да-да.

Позади Эллиса заработал мотор «чероки», а затем послышался голос:

– Сэр, ваша машина на стоянке?

Эллис обернулся и увидел охранника, приоткрывшего дверь служебной будки.

– Нет, я остановился на улице, – ответил Эллис, махнув рукой в сторону Лас-Пальмас.

Повернувшись, он спустился по ступенькам в холл позади кухни и, миновав старые деревянные телефонные будки, попал в новый обеденный зал. «Массосу» было около ста лет; к старому залу был добавлен еще один, но и это произошло уже полвека назад. Вслед за почтенного

¹⁴ Крейгслист – основанный Крейгом Ньюмарком сайт электронных объявлений, популярный в США.

вида официантом, в красном укороченном пиджаке, Эллис прошел в старый зал и через него в бар. Помещение было переполнено, люди толпились позади счастливицов, которым достались табуреты.

Он увидел Холлера в дальнем конце стойки. Адвокат разговаривал с женщиной, сидевшей слева от него. Выглядело это так, будто адвокат обхаживает ее, но женщина была явно не того сорта. Тем не менее бармен поставил перед ними два бокала martinis и два шейкера со льдом для приготовления коктейля.

Было ясно, что Холлер никуда пока не собирается. Эллис вышел в холл с телефонными будками. Телефонно-автоматов в них больше не было, но сами будки позволяли уединиться.

Закрывшись в одной из них, Эллис достал мобильник и позвонил Лонгу:

– Ну как, проследил за ним?

– Слежу. Едем в Хайленд.

– А что у него за номер?

– Номер УПЛА с блокировкой органов охраны порядка.

– Так он коп!

– Ага. А может, на пенсии. По виду он не меньше двадцати пяти лет отбарабанил.

– И если даже на пенсии, что у него за дела с нашим подопечным?

– Черт его знает. Посмотрим, куда он едет.

– Я остаюсь пока здесь. Похоже, наш клиент обрабатывает одну крошку в баре.

– Ладно, я тебе позвоню.

Лонга не интересовало, что думает Эллис по поводу Холлера. Он был захвачен погоней за синим «чероки», классическая прямоугольная конструкция которого нравилась ему: была практичной и выглядела солидно. И зачем ее изменили? Новые модели по виду не отличались от любого другого спортивно-утилитарного автомобиля и к тому же были раздуты, словно пузо у толстяка, свисающее поверх ремня. Бывшая жена Лонга называла их «маффин в формочке».

Таинственный незнакомец между тем держал курс на север, поднимаясь на перевал Кауэнга. Но когда «чероки», замигав левым поворотником, притормозил, намереваясь проскочить на холм в просвете транспортного потока, задача Лонга усложнилась. Он промчался мимо, заметив, что от шоссе отходят две улицы: Малхолланд-драйв налево и Вудро-Вильсон-драйв направо.

Увидев в боковое зеркало, что «чероки» наконец проехал, Лонг включил мигалку и сделал полный разворот прямо перед встречными машинами, которым пришлось резко затормозить и даже остановиться. Он нажал на акселератор и вернулся к развилке. Но ни на одной из расходящихся улиц не было видно задних фонарей «чероки».

Отключив мигалку, Лонг не колеблясь свернул на Малхолланд-драйв, так как она была более оживленной и длинной, и стал взбираться на гребень холма, но вскоре осознал, что сделал неправильный выбор. Дорога вилась серпантином, и он должен был бы увидеть «чероки» на одном из витков, но впереди было пусто.

Он опять развернулся на сто восемьдесят градусов и помчался к Вудро-Вильсон-драйв, не тормозя на крутых изгибах дороги. К чертям опасность. Гораздо хуже было бы получить от Эллиса взбучку за то, что он потерял клиента.

Вудро-Вильсон-драйв находилась на противоположном склоне холма, была узкой и извилистой. Пролетев несколько поворотов, Лонг наконец увидел впереди хвостовые огни «чероки». Сбросив скорость, он последовал за ним. Вскоре «чероки» припарковался под освещенным навесом рядом с зеленовато-голубым «фольксвагеном-жуком». Лонг миновал его не останавливаясь, но, сделав еще два поворота, свернул на обочину и выключил сцепление. Взяв телефон, он убедился, что звонков или сообщений от Эллиса не поступало. Он передохнул минуты три и развернулся, используя пустое пространство под навесом для автомобиля около ближайшей постройки. Затем, погасив все наружные огни, медленно проехал мимо

дома, около которого припарковался «чероки». Это было небольшое здание, укрепленное консольными балками, позади него виднелись далекие городские огни.

Проезжая мимо, Лонг запомнил номер «фольксвагена» и обратил внимание на то, что мусорный бак выставлен на обочину.

* * *

Холлеру не удалось соблазнить сидевшую рядом женщину, и он пытался залить разочарование водкой. Эллис, спрятавшись в толпе, наблюдал за ним через зеркала за стойкой бара. Он взял бутылку пива, чтобы не отличаться от других, но не пил. Он никогда не употреблял алкоголь.

Женщина, которую «обрабатывал» Холлер, была как минимум на пятнадцать лет моложе его. Ошибка Холлера заключалась в том, что он пренебрег основным правилом поведения немолодых мужчин с молодыми женщинами: избегать всего, что напоминает о разнице в возрасте, особенно зеркал за барной стойкой.

Почувствовав вибрацию мобильного в кармане, Эллис удалился в холл, зашел в телефонную будку, плотно закрыл за собой дверь и поставил пиво на пол.

– Похоже, на сегодня он кинул якорь, – сказал Лонг.

– И где это? – спросил Эллис.

– На холмах. Для копа с его зарплатой вполне приличное жилище.

– Ты уверен, что он никуда больше не подастся сегодня?

– Нет, не уверен. Если хочешь знать это наверняка, я могу вернуться и взять его под наблюдение. Я пока еще недалеко отъехал.

Эллис задумался. В голове стал складываться план действий – оперативный план на этот вечер. Для этого было нужно, чтобы напарник вернулся.

Лонг прервал его мысли, сказав:

– Я установил его личность.

– Каким образом? Кто он?

– Там была рядом еще одна машина, тоже с заблокированным номером правоохранительных органов. А на улице был выставлен бак с отходами. Я прихватил пару мешков, отъехал в укромное место и покопался в мусоре. Там было несколько писем, адресованных этому типу. Его зовут не то Гармоний, не то Эрмоний Босх – не знаю, как правильно произнести.

– А по буквам?

– И-Е-Р-О-Н-И-М Б-О-С-Х.

– Совсем как художника.

– Какого художника?

– Не важно. Слушай, двигай сюда. Я придумал, как вставить несколько палок в колеса нашему другу.

– Пятнадцать минут даешь?

– Десять. Он, похоже, собирается сматываться.

Отключив связь, Эллис подхватил пивную бутылку и вернулся в бар. Холлер сидел на том же месте, а женщина ушла. Вместо нее табурет занял мужчина в белой футболке и черном кожаном пиджаке. Холлер достал серебристую кредитную карточку и помахал ею в воздухе, подзывая бармена. Он тоже собирался освободить место.

Эллис протиснулся к стойке между двумя посетителями и поставил на нее бутылку пива, после чего быстро поднялся по ступенькам и покинул ресторан. Около выхода на Лас-Пальмас он заметил затененную нишу, из которой было удобно следить за стоянкой.

Нырнув в тень, он споткнулся обо что-то, скрытое во мраке. Послышался шорох, стон и ворчливый голос:

– Какого дьявола?! Тут мое место.

Вытащив из кармана телефон, Эллис включил экран и при его слабом свете увидел человека, который выбирался из грязного спального мешка. К стене были прислонены пластиковые пакеты с его имуществом. Эллис огляделся. На улице никого не было, Холлер еще не вышел из ресторана. Обернувшись к бездомному, пытавшемуся подняться с четверенек, Эллис принял решение. Замахнувшись, он пнул его со всей силы по ребрам и сам почувствовал ногой удар. Было ясно, что никакие ребра не могли уцелеть. Бездомный повалился на спину и завыл, как раненое животное. Чтобы прекратить этот вой, Эллис наступил на его горло и надавил всем своим весом, прерывая поступление воздуха в легкие; затем, чуть подавшись назад, с налету ударил человека каблуком по переносице. Тот затих и лежал не двигаясь.

Эллис занял наблюдательный пункт в освободившейся нише и вскоре увидел, как Холлер выходит из задних дверей ресторана.

– Вот черт, – шепотом выругался Эллис.

Заметив, что адвокат, расплачиваясь с охранником и получая ключи, не проявляет никаких признаков опьянения, он позвонил Лонгу:

– Где ты, мать твою?

– Еще две минуты. Только что свернул к Голливуду.

– Я буду на том же месте. Включи радио.

– Хорошо. Зачем?

Не ответив, Эллис прервал связь. Холлер направился к своему «линкольну», разговаривая с кем-то по сотовому телефону. Из другого кармана Эллис достал второй мобильник и включил его. Он всегда имел при себе запасной одноразовый телефон. Ожидая, когда аппарат заработает, Эллис услышал позади какое-то бульканье, отражавшееся эхом от бетонных стен. Повернувшись и выставив вперед каблук, он ударил ногой лежащее тело. Бульканье прекратилось.

Эллис набрал номер 911 и прикрыл телефон рукавом пиджака, чтобы голос звучал глухо.

– Девять один один. Что у вас случилось? – спокойным деловым тоном спросила женщина-оператор; «негритянка», определил Эллис.

– Тут один человек ведет машину в нетрезвом состоянии. Боюсь, он собьет кого-нибудь.

– Где вы находитесь, сэр?

– На углу бульвара Голливуд и Лас-Пальмас. Он только что вырулил впереди меня на бульвар.

– Он едет в восточном или западном направлении?

– Пока в западном.

– Вы можете описать его автомобиль?

– Черный лимузин «линкольн». Номерной знак: «ГУЛЯЕМ».

– Простите?

– «ГУЛЯЕМ». Это личный знак. Наверное, он адвокат или что-нибудь вроде того.

– Минуточку. Не отключайтесь, сэр.

Эллис знал, что она пошлет экстренное сообщение, а потом вернется к разговору с ним, чтобы узнать его имя и расспросить о деталях. Он выключил телефон. «Линкольн» Холлера между тем вырулил на Лас-Пальмас и направился к пересечению с бульваром Голливуд, проехав мимо встречного «челленджера» с Лонгом за рулем.

Покинув свое укрытие, Эллис вышел на улицу. Когда Лонг подъехал, Эллис положил одноразовый телефон перед задним колесом, чтобы машина, трогаясь с места, раздавила его. Затем он открыл дверь, сел рядом с Лонгом и велел ему развернуться. Сообщение об управлении автомобилем под влиянием алкоголя уже, возможно, передавалось по полицейской радиосвязи.

– Всем постам Голливуда: гражданин сообщил о том, что водитель в нетрезвом состоянии ведет автомобиль по бульвару Голливуд от Лас-Пальмас в западном направлении. Автомобиль – последняя модель лимузина «линкольн» черного цвета, номерной знак: Ганс-Уна-Лина-Яна-Ева-Мария.

К зеркалу заднего обзора был прицеплен провод микрофона. Висевшая там некогда упругая скатка провода со временем растянулась и свисала до пола.

Размотав провод, Эллис поднес микрофон к губам:

– Шесть-Виктор-пятьдесят-пять, минуту назад мы проехали этот перекресток.

Нажав кнопку «отправить сообщение», он повернулся к Лонгу:

– Давай на запад. Он, вероятно, едет домой.

Лонг тронул машину с места и, доехав до конца квартала, развернул ее в сторону бульвара Голливуд. По пути Эллис бросил взгляд на плохо освещенный въезд на автостоянку.

– Что это мы делаем? – спросил Лонг.

– Собираемся задержать его и зарегистрировать, что он ведет машину в нетрезвом виде. Это должно немного притормозить его.

– А если он в трезвом виде?

– Не имеет значения. Он же адвокат. Он откажется делать простые пробы на алкоголь, и тогда мы возьмем у него кровь и запротоколируем это ЧП. Я хочу заглянуть в его багажник.

Лонг кивнул и больше не задавал вопросов. Они догнали Холлера у перекрестка с Ла-Бреа-авеню.

– Ну что, будем брать? – спросил Лонг.

– Нет. Пусть отъедет от Ла-Бреа и углубится в жилые кварталы. Там меньше людей и меньше камер.

Эллис снова заговорил в микрофон:

– Шесть-Виктор-пятьдесят-пять, мы стоим на перекрестке бульвара Голливуд и Камино-Пальмеро. Подозреваем вождение в нетрезвом состоянии. Номерной знак автомобиля: Ганс-Уна-Лина-Яна-Ева-Мария. Необходимо подразделение «А» для поддержки.

Когда дали зеленый свет, Лонг стал вилять, перестраиваясь из одного ряда в другой, пока не оказался позади «линкольна». Он включил мигалку, и Холлер остановился на обочине перед двухэтажным жилым зданием.

– Так, я займусь им, – сказал Эллис.

Открыв бардачок, он достал эластичную ленту, используемую вместо наручников. Он не хотел брать свои наручники, так как собирался передать Холлера полицейскому патрулю и обыскать в это время его машину.

– Выходит, – заметил Лонг.

Холлер действительно выбрался из «линкольна» и разговаривал с кем-то по сотовому. Закончив разговор, он бросил телефон на сиденье, нажал кнопку блокировки и захлопнул дверь. Затем стал ждать, сложив руки на крыше автомобиля.

– Он запер тачку, – сказал Лонг. – А ключи, конечно, внутри.

– Придурок, – отозвался Эллис. – Думает, нам это помешает.

Выйдя из машины, он подошел к Холлеру.

– Приветствую вас, детектив, – произнес адвокат.

– Вы пили сегодня? – спросил Эллис.

– Да, пил, но не столько, чтобы останавливать меня.

– С нами связались через девять один один, точно описали вашу машину, вплоть до именного номерного знака, и сказали, что вы ведете ее с опасностью для окружающих. Мы следовали за вами на протяжении нескольких последних кварталов и заметили, что вы виляете.

– Чушь собачья. Я видел вас. Это вы все время меняли полосы, чтобы догнать меня.

– Кому вы звонили? Вам известно, что нельзя разговаривать по телефону во время вождения?

– Кому я звонил – не ваше дело. И звонить я начал только после остановки, никакого нарушения не было. Но я понимаю, что вы должны проверить меня, так что приступайте, детектив.

– Не детектив, а патрульный. Откуда вы едете?

– Из «Массос энд Фрэнкс».

– Вы только пили там или еще ели что-нибудь?

– Ел, ел, а как же. Съел несколько оливок.

– Покажите ваше водительское удостоверение.

– Да, конечно, патрульный. Но для этого мне надо залезть во внутренний карман пиджака.

– Сделайте это медленно.

Холлер достал бумажник и протянул Эллису права. Взглянув на документ, Эллис сунул его в задний карман брюк.

– Теперь мы отойдем в сторонку и проведем предварительный тест на трезвость, – сказал он.

– Ничего такого мы делать не будем, – возразил адвокат. – Вы произвели необоснованное задержание, я остановился, отдал вам удостоверение, и этим мои обязанности в данной ситуации ограничиваются.

– Но вы ж понимаете, что, отказываясь от предварительного тестирования, вы создаете основание для задержания вас и приостановку действия ваших прав. Нам придется отвезти вас в клинику и взять кровь на анализ.

– Понимаю. Как я уже сказал, я в вашем распоряжении. Я не пьян, я в нормальном состоянии и не давал повода задерживать меня. Все это вздор и чепуха. У вас есть видеорегистратор в автомобиле?

– Увы, нет.

– Это не страшно. На бульваре полно видеокамер.

– Ну что ж, надеюсь, вам повезет.

– Я не нуждаюсь в везении.

– Вы, как я понимаю, адвокат?

– Да, и это вам известно.

Эллис заметил, что прибыло подкрепление: патрульная машина остановилась позади их седана. Он достал из кармана ветровки эластичную ленту для связывания задержанного.

– Уберите, пожалуйста, правую руку с крыши автомобиля и отведите ее за спину, – обратился он к Холлеру.

– Да, конечно, – ответил тот.

Эллис туго стянул запястья адвоката за спиной. Холлер не выразил протеста.

* * *

После того как полицейский патруль увез адвоката на проведение анализа крови, Эллис надел перчатки, в которых сыщики работают на месте преступления, достал из багажника пневматический клин и слим-джим¹⁵ и направился к «линкольну». Холлер, заблокировав машину, считал, видимо, что перехитрил полицейских, но Эллис был еще хитрее. Дождавшись, когда скопившийся на перекрестке транспорт разъедется, он вставил воздушный клин в щель между оконной рамой передней дверцы и корпусом автомобиля и начал накачивать грушей воздух.

¹⁵ Слим-джим – устройство для отпираания дверных автомобильных замков.

Клин стал расширяться, образовав щель шириной в дюйм. Всунув в щель металлический прут, Эллис нажал на кнопку электронного отпирания дверей, расположенную на подлокотнике сиденья. Четыре дверных замка разом щелкнули, открыв доступ в салон. Сигнализация была теперь отключена, поэтому он смело распахнул переднюю дверцу и отпер багажник. Эллис не в первый раз вел наблюдение за Холлером и знал, что тот часто обсуждает дела в автомобиле и держит документы в багажнике. Патрульные перед отъездом вызвали тягач для буксировки «линкольна» в полицейский гараж, и Эллис прикинул, что у него есть в запасе полчаса до прибытия тягача.

Заметив лежавший на сиденье мобильник адвоката, Эллис взял его и включил экран, но для продолжения нужно было знать пароль, так что телефон оказался бесполезен. Эллис хотел уже кинуть его обратно, но тут на экране высветился вызов. Индикатор сообщил, что звонит Дженнифер Аронсон. Имя ничего Эллису не говорило, но он занес его в свой банк памяти.

Закрыв переднюю дверь, Эллис заглянул в заднюю половину салона и сразу обнаружил портфель за спинкой водительского сиденья. В портфеле лежали три блокнота, какими пользуются юристы, с неразборчивыми записями, относящимися к трем разным делам, и пачка визитных карточек, скрепленных резинкой. Больше ничего примечательного портфель не содержал. Эллис вернул его на прежнее место и перешел к багажнику.

Прежде чем открыть его, Эллис вопросительно посмотрел на своего напарника в штатском, слушавшего полицейское радио. Лонг поднял два больших пальца, показывая, что все в порядке. Эллис кивнул ему в ответ.

В багажнике стояли бок о бок три картотечных ящика. Это было как раз то, что он искал. Быстро перебрав бумаги пальцами в перчатках, он наткнулся на карточку с надписью: «Фостер».

– Есть! – произнес Эллис.

10

Комната дочери была закрыта, но из-под двери пробивалась полоска света. Босх негромко постучал.

– Я пришел, – сообщил он.

– Привет, папа, – отозвалась Мэдди, однако приглашения войти не последовало.

Он постучал еще раз:

– Можно?

– Конечно. Не заперто же.

Босх открыл дверь. Дочь стояла около постели и запихивала спальный мешок в большой рюкзак, снабженный колесами. Поездка должна была продлиться всего несколько дней, но Мэдди укладывала все, что было в списке, который им дали в школе.

– Ты ужинала? – поинтересовался он. – Я купил кое-что в булочной «Панера».

– Да, я поела. Ты не звонил, поэтому я приготовила тунца.

– Могла бы набрать меня и спросить.

– Ты тоже мог, – парировала она.

Босх решил не продолжать разговор на эту тему. Указав на разложенные на полу вещи, которые предстояло поместить в рюкзак, он спросил:

– Предвкушаешь поездку?

– Да не особенно, – пожала плечами Мэдди. – Не представляю, каково это – жить в палатке.

Босх подумал, нет ли тут упрека в его адрес. Он никогда не вывозил ее на лоно природы с палаткой, да и сам не выезжал. Правда, он ночевал в палатках и окопах во Вьетнаме.

– Ну вот, теперь узнаешь, хорошо это или плохо. Ты же едешь с друзьями, будет весело.

– Возможно, после окончания школы я никого из этих друзей больше не увижу, – заявила она. – Не понимаю, зачем... Люди должны ходить в походы по собственному желанию, а не потому, что кто-то это запланировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.